Павел Блуднов

ИЗ ДНЕВНИКА ХУДОЖНИКА

П.Б. Блуднов

ИЗ ДНЕВНИКА ХУДОЖНИКА

Павел Блуднов — прирожденный колорист. Внешние достоинства его живописи — смелость и уверенность лепки, энергия мазка, определенность красок. Краска в его картинах ложится спокойными крупными мазками, а их фактура подвижна и выразительна.

Главной задачей своей живописи художник считает целостность впечатления, которое она производит на зрителя. Для этого он стремится достичь в своих произведениях необычайной законченности форм, цветовой насыщенности, экспрессии и высокого эмоционального настроения, из которых и создается картина. Самое простое получает в его картинах большое значение благодаря интенсивности художнического понимания простой истины: сущность живописи именно в том, что каждая выраженная ею форма может влиять на нас, околдовывать сама по себе.

За долгие годы творчества его мастерство и поэтическое чувство выросли и возмужали. Его композиции, натюрморты, портреты написаны цельно, крепко, весомо. Никакой приблизительности, небрежности, щегольства кистью — все выполнено добротно, с внутренним напряжением, все дышит правдой, которую художник считает основой своего творчества.

Павел Блуднов творит с полной отдачей духовных и физических сил, стремясь наиболее полно и совершенно выразить «буйство глаз и половодье чувств».

Искусствовед Григорий Климовский

Выражаю искреннюю благодарность за помощь в издании альбома друзьям и близким.

Картины Павла Блуднова — это праздник полноты и радости жизни. Его кисти присущи удивительная сила, широта и энергия... Его живопись как будто совершается и формируется на ваших глазах и вы сами становитесь свидетелем трепета становления и существования натуры на его холстах. Вам как будто открывается, как он работает, где он сказал вдруг себе: «Стоп», — зная, что работа не закончена, не доведена до сухого академизма, не «долизана». Она не имеет в себе школьного, традиционного завершения — того академического завершения, которое насильственно требовалось от советских художников на протяжении многих лет. Творчество Блуднова лежит между классическим реализмом и экспрессионизмом. В его картинах всегда поражает внутренняя свобода и раскованность, позволяющая художнику так полно и так ярко выразить свою индивидуальность. Блуднов — самобытный мастер, виртуознейше владеющий цветом, тоном и фактурой холста. Его творчество стоит на той ступени, которая дает достойное продолжение лучшим традициям в реалистическом экспрессионизме.

Искусствовед В.П. Цельтнер

3 января 1945 года в роддоме на Зацепе, заорав на всю родилку, я родился, сообщил о своем появлении на свет.

— Ну и крикун, певцом будет, — сказали маме медсестры и не очень ошиблись: петь до сих пор очень люблю.

После роддома меня отвезли в крепкий сталинский дом в Жуковом проезде, рядом с Павелецким вокзалом. Папа умел столярничать,

сделал мне качалку, и мама запела «Спи, моя радость, усни», а я не засыпал, орал и глазел на весь этот чудесный мир...

Мне очень нравится путешествовать, и свое путешествие я совершил в три года. Мы с сестрой решили пойти и найти то королевство, где люди живут сытно, едят всякие булочки, печенье и конфеты, где сверкают разноцветные огни и все люди добрые-добрые и улыбаются детям. Светка взяла бутерброды — хлеб, намазанный маргарином и посыпанный песочком, водички бутылочку, и, сказав младшим, чтоб не болтали, мы двинулись. Прошли две улицы, дошли до Бахрушинской, мне захотелось есть, сестра с радостью меня поддержала, и мы съели наш обед и пошли весело дальше. Минут через 10 стало как-то страшно, и я заныл, что хочу домой к маме. Сестренка обозвала меня предателем и с радостью повернула домой.

В 1949 году нам улучшили жилищные условия. Папе — участнику и инвалиду войны, маме и нам, пятерым ребятишкам, выдали неотапливаемую угловую комнату в 18 метров. Ни отопления, ни печки не было. Мы переезжали в холод.

Дом на Шаболовке был старой купеческой постройки, двухэтажный. На первом этаже магазин, на втором — коммуналка на десять семей. Один унитаз, один умывальник, четыре газовые плиты, веревки для сушки белья в коридоре, телефона нет. Стены были скользкие от влаги, стекла были покрыты розовой плесенью, которую иногда лизал,

Мой отец

Мама

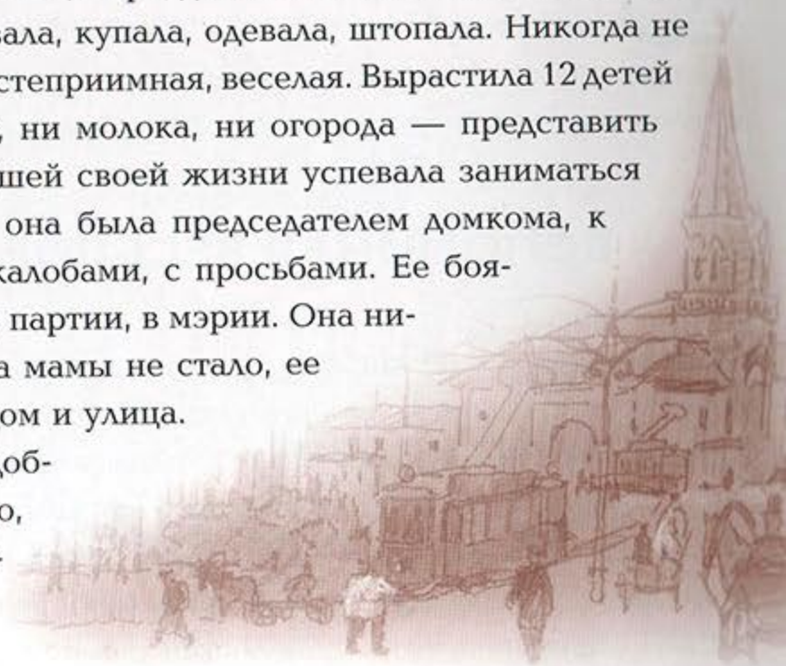
не знаю зачем. Жили мы в этом доме очень весело. Спали мы все, ребятишки, на полу. Кровать была у мамы и у папы, она была очень высокой. Папа сделал сам печку, и зимой она прекрасно трещала. Мы все, ребятишки, вечером собирались возле огня, и папа рассказывал свои истории о войне. Когда рассказывал — иногда плакал.

Мне стало стыдно: я свой рассказ начал не с родителей. Надеюсь, они меня простят. Мой папа Борис Алексеевич был большой философ, педагог и просветитель в нашей семье. Родил он нас 12 детей — семь мальчиков и пять девочек. Это в Москве-то! Как-то я спросил: «Пап, зачем столько детей?» Он мне ответил: «Когда уходил на войну, загадал: если останусь жить, то сделаю много детей». Мама была не против. У папы были золотые руки, он умел все: столярничал (профессия — столяр-лекальщик),

прекрасно пел под гитару, знал наизусть всего «Онегина», был хорошим спортсменом, играл в футбол, конькобежец — бегал стометровку по норме мастера спорта. Говорливый, знал очень много прибауток, и очень аккуратный. Никогда не курил, даже на войне (был пулеметчиком), но водочку выпивал. Да кто же ее тогда, кто прошел войну, не трогал?! Он был инвалид и работал на гардеробе. В 1974 году его не стало.

Мама — великая русская женщина, родила и вырастила 12 детей. Аккуратная, красивая, веселая, задорная, с неистощимой энергией, всегда всем помогавшая. Работала мама на двух-трех работах, чтобы нас прокормить. Родом из Самары, очень вкусно готовила, прекрасно танцевала. Ее семья переехала после голода на Волге в Ташкент. В Ташкенте папа, где он служил кадровую службу, встретил маму, а потом появились мы. Когда не было денег в тяжелые времена после войны, продавала одежду с себя, чтобы нас прокормить.

Летом мы с мамой торговали цветами, ягодами, грибами. На вырученные деньги мама умудрялась купить груш, яблок, помидоров, огурцов, мяса, пряников, печенья, сыра, дешевой колбасы, всякой рыбки и т.д. Нас всех обстирывала, купала, одевала, штопала. Никогда не жаловалась на судьбу, гостеприимная, веселая. Вырастила 12 детей в Москве — ни коровы, ни молока, ни огорода — представить трудно. Мама в дальнейшей своей жизни успевала заниматься общественной работой, она была председателем домкома, к ней все обращались с жалобами, с просьбами. Ее боялись в ЖЭКе, в райкоме партии, в мэрии. Она никого не боялась. И когда мамы не стало, ее хоронил весь большой дом и улица. И до сих пор помнят добрую, строгую, горластую, заботливую Зинаиду Семеновну, настоящую мать-героиню.



На фотографии — дедушка, бабушка, папа и папин брат

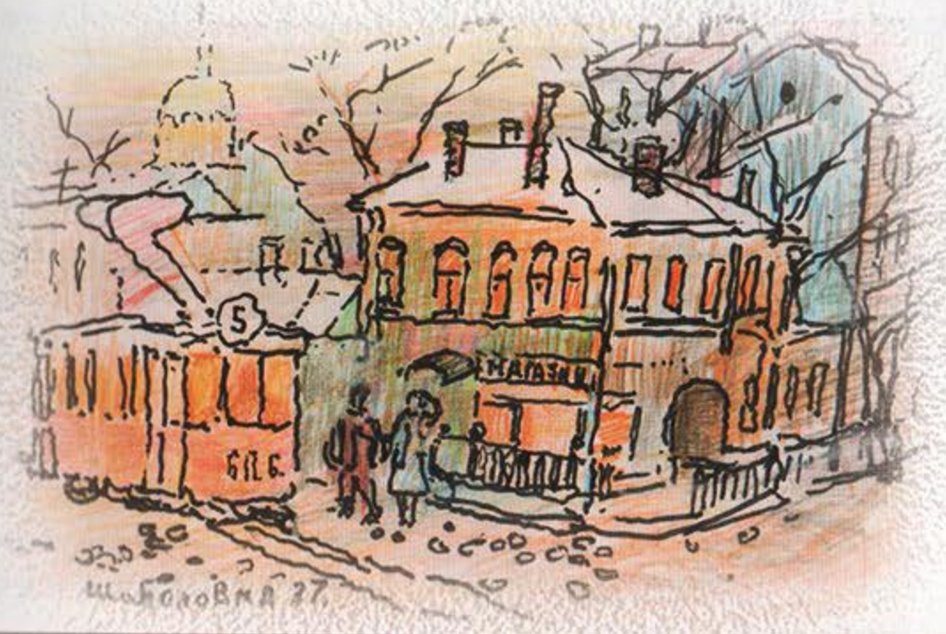
Все в солнечном свете и цвете. День бесконечен. Улица, двор, двор, улица. Игры в войну, в расшибки, в стенку, в чижик. Во дворе голубятни сараи, в сараях старинные картины, шкафы, одежда, граммофоны, дырявые диваны. Дырки в крыше сарая, через них льется свет. Вечная игра в войну. Старшие ребята партизаны, ну а

ВСПОМИНАЯ ВЕСЕЛОЕ ДЕТСТВО

мы, мелюзга, — фашисты. Нам давали возможность спрятаться во дворе, в сарае, в соседнем дворе, но не дальше. И вот сидим где-нибудь в лопухах за сараем и с замиранием сердца ждем, когда тебе скажут «Руки вверх!» и бесцеремонно потащат в «штаб», где будут допрашивать: сколько танков и пулеметов? Ну и молчишь до тех пор, пока подзатыльники дают о себе знать. Потом слезы и: «Я больше не буду играть с вами!» И обещание, что в следующий раз я буду партизаном. Кушать в

детстве очень хотелось. Иногда кушать было просто нечего. Папа и мама приходили с работы поздно. Иногда мама прибегала и приносила жидкий больничный суп, который мы тут же схлебывали. Ну так вот, когда кушать было нечего, сестра старшая Света говорила: «Давайте играть в царство» — и рассказывала всякие истории о волшебстве и вкусных вещах, а младшая сестра Марина делала «пирожное». Пирожное — это была соль, завернутая в фольгу. И мы, слушая рассказы о прекрасной жизни в волшебном королевстве, о всяких мороженых, пирожных, лизали свое «пирожное», запивая водой. Было очень весело и вкусно. Вечером иногда от соли немного тошнило.

Вообще мы очень любили, когда с работы приходил папа. Он неспешно раздевался, причесывался, умывал руки, полоскал рот и чинно садился к столу. Мама ставила на стол огромную кастрюлю, у нас были железные тарелки, а для компота — жестяные банки из-под кукурузы. В огромной оловянной тарелке лежал нарезанный хлеб большими кусками. Каждый знал место и всегда садился на свое. Если случайно забывался и садился на стул отца, то получал легкий подзатыльник (отец нас никогда серьезно не бил). Иногда на столе стояла четвертинка водки,



селедочка, квашеная капуста, почти всегда плавленые сырки. Первому мама наливала суп отцу, второму — младшему ребенку, ну а затем всем, а себе потом. Стула постоянного у мамы не было, надо было порхать у стола: уносить, приносить, вытирать носы, слюнявчики. Ну так вот, суп разлит, папа наливает себе рюмочку водки, и мама ему говорит: «Будь здоров, Борюнчик!» На что папа отвечал: «За мир на земле!» — и трапеза начиналась. Хлеб брали без суеты, ели быстро, поглядывая друг другу в миски. Младших не обижали, еду не отнимали. Потом мама подавала кашу — перловую, ячневую, чечевичную, а затем компот с хлебом или с печеньем овсяным. Мама его пекла сама. По праздникам мама пекла пироги ночью, штук сто. Делала в комнате, где спало двенадцать человек, часа в 4 утра, когда рассветало. Мы мирно спали под столом, где мама делала пироги, а потом пекла на плите на кухне.

Праздники мы все очень любили. Это были самые сытные дни. Вся наша коммуналка, все хозяйки пекли пироги, пампушки и ватрушки. Мы, все дети, крутились на кухне, и все нас угощали пирогами в квартире. Кстати, пора рассказать и о коммуналке.

В начале шестидесятых телевизор был всего один. Это был огромный ящик «Ленинград» с экраном сантиметров 15. И стоял он у богатых интеллигентов, мужа и жены, без детей. Они были пожилые, может, лет сорок, ходили всегда под ручку и никогда не ругались. Иногда они приглашали смотреть телевизор взрослых соседей. Ну а мы, вся ребятня, человек 15 нашей коммуналки, смотрели по очереди в замочную скважину. Телевизор — это было чудо: что-то двигалось, что-то говорило...

Утром, часов в 6, из комнаты высовывалась женская голова и кричала: «Я первая!» Потом все затихало. Часов в 7 коммуналка гудела. Нам по утрам, всем ребятишкам, запрещалось вылезать из своих комнат, чтобы не попасть под недоспавшую горячую руку. Человек вставал, брел к унитазу, который вечно шумел, потом шел к раковине на кухню, умывался холодной водой (кто-то умывался у себя в комнате теплой), затем гремели чайники, кастрюли, кухня вовсю работала. К 8 утра театральные действия — иногда тихие, иногда громкие, почти всегда мирные, с веселыми возгласами, а иногда с боевыми выкриками «Сама дура!» — заканчивались. И наступала тишина... Приятно было додремывать последние минуты перед сборами в школу. Затем мы, пацаны и девчонки, из комнат шли на кухню чем-нибудь поживиться, может, кто-нибудь что-нибудь оставил. Вот тетя Фрося не убрала выжарки, вкусно... Вот Агеевы оставили в сковородке картошку, да на сливочном масле. Вот удача! (Может, специально оставили? Для нас?) Когда осмотр кухни заканчивался и все съестное, что взрослые не убрали, съедалось, ребята расползались по своим комнатам. Чаще всего к нам. У нас было веселее, чем у всех. Постели на полу по всей комнате, можно беситься сколько хочешь, прыгать, скакать. Потом перебирались во двор. Переберемся и мы туда!

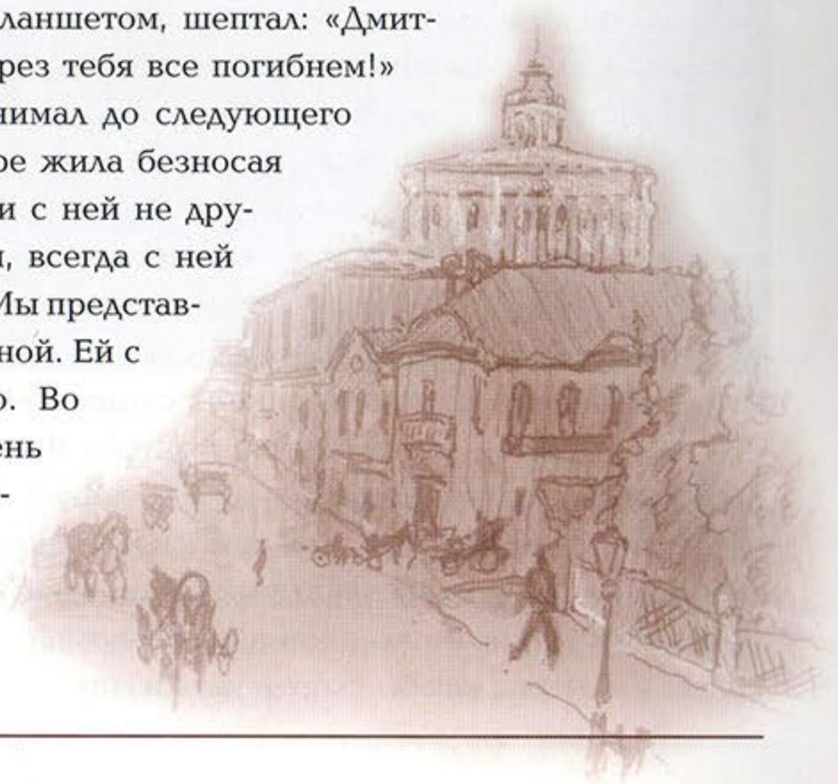
Старая Москва

С черного хода можно было попасть во двор. Помню, зимой я пошел гулять через черный ход. Ручка у двери была бронзовая, старинная. Я стоял, ее разглядывал. Проходил сосед, очень взрослый, лет семнадцати, а мне лет семь было, и говорит: «Чего стоишь и смотришь на ручку, ты ее лучше попробуй, она сладкая!» — и убежал, засмеявшись. Я достал язык, и он примерз к ручке намертво.

ДВОР НА ШАБОЛОВКЕ, 37

Мне стало страшно: а вдруг кто-нибудь дернет с той стороны и язык мой оторвется?! Стал сильно дышать, и язык мой оттаял от ручки. Очень сильно болело, родителям не сказал. Так вот, спустившись во двор, ну, скажем, летом, увидишь много сараев, на сараях много голубятен, во дворе стоит стол и скамьи, врытые в землю, там взрослые играют в домино, редко в лото. На земле трава, в палисаднике вдоль стен незатейливые цветы.

Еще есть подвал. Во время войны бомбоубежище, а в мое детское время — овощной магазин. Там работал добрый продавец дядя Сережа. Он жалел нашу многодетную семью, и когда привозили в машинах огурцы, картошку, арбузы, мы с удовольствием вдвоем с братом Стасом ее разгружали деревянной лопатой, а еще лопатой с колесиками, а арбузы руками. Дядя Сережа давал нам огурцов, картошку и, расколотив, — пару арбузов (легче списать). Помню, мужчины в выходной садились играть в домино, все были фронтовики, кто без руки, кто без ноги. За столом не пили, пивнушка была напротив, не ругались матом, мы, ребята, крутились там же, во дворе. Ну вот, играют дядьки в домино, тут один надевает на пиджак колодку, а на ней три Звезды Героя Советского Союза. И сидят, играют. Народ проходит мимо, друг друга толкают локтями и руками, на него показывают. Дескать, смотри, трижды Герой сидит! Дмитрич был слесарь-лекальщик и звезды сделал сам. Дмитричу приятно, а его приятелям забавно. Ну, когда заиграются, тихо подходил участковый, тоже фронтовик, и, ошарашив Дмитрича своим планшетом, шептал: «Дмитрич, сволочь, сними, через тебя все погибнем!» Дмитрич безропотно снимал до следующего раза. Еще у нас во дворе жила безносая девочка Нина. Девчонки с ней не дружили, а мы, мальчишки, всегда с ней играли и ее защищали. Мы представляли, что она была раненой. Ей с пацанами было весело. Во дворе всегда было очень весело, много солнца, тепла, и был день бесконечный. Помню еще, соседи играют в домино. Тепло,



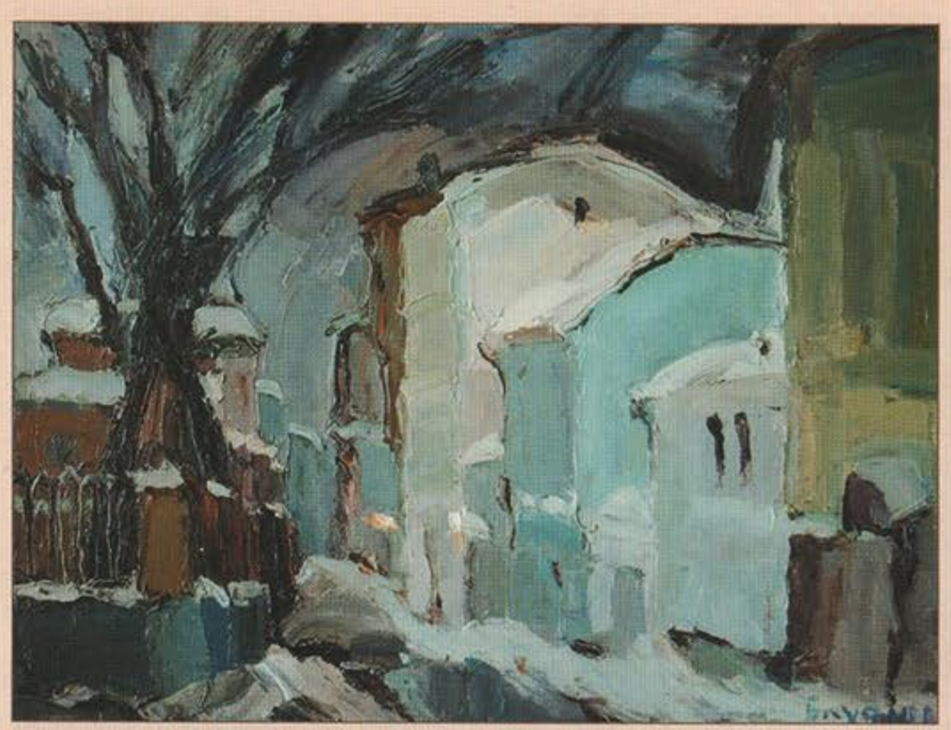
солнечно. Вдруг один фронтовик без руки подзывает меня и говорит: «Скажи тому дядьке, что он мудак. Я тебе дам конфетку». А по улице шел военный в сапогах со шпорами, в форме, в фуражке синей, и форма синяя. Я подходил, дергал военного и говорил: «Дядя, ты мудак!» Он удивленно смотрел на меня. Затем была реакция. На что фронтовики, сидящие за домино, всегда говорили: «А ну, не трожь ребенка!» И я убегал во двор и получал конфету. Значения слова я не понимал.

Как-то мне сказали, что пора в школу. Мама пошла просить деньги на форму в райсобес вместе со мной. И я потом бегал и приносил справки разные уже один. И вот, надев новую красивую форму, ремень, новые ботинки и фуражку, гордый без предела, я учусь в 16-й школе. Это теперь ближе к Октябрьской, а раньше к Калужской. Напротив школы был детдом и кондитерская фабрика «Ударница», куда нас водили на экскурсии и где мы объедались зефиром да пастилой.

В начале школы я мальчик был послушный, старательный и учился очень хорошо. Затем во мне открыли талант певца. И стал выступать на разных сценах и даже по радио. Пел песню «То березка, то рябина, куст ракиты...» и т.д. Мы учились тогда раздельно. Школа у нас была мальчишечья. Потом меня перевели в 17-ю школу к девчонкам, и все началось. Я стал все время влюбляться. Учителей не слушал, мечтал, что-то рисовал, были непонятные желания физические. К тому же был очень застенчивый. Моя концертная деятельность продолжалась. Я пел «То березка, то рябина...», «Подмосковные вечера», девочки поглядывали на глазастенького, улыбчивого мальчишку с ямочкой на щечке. Но я был из бедной семьи и часто за спиной слышал: «Вот мать дура, нарожала столько детей!» — и это говорили учителя. Я начал замыкаться. Однажды мне перед всем классом подарили ботинки, и учительница говорила, что я должен их сильно благодарить и хорошо учиться. В классе сидели мои друзья, девчонки, в которых я был влюблен. Я не знал, куда мне провалиться. С этого момента школу я возненавидел. Я начал комплексовать и мечтать, как бы скорей уйти из школы. И тут как-то во дворе на

Радио детства

Профсоюзной мне мой друг Витька Отставнов сказал, что он записался в ремесленное. И мы с ним пошли, и я записался после седьмого класса в ремесленное училище №18 на специальность слесарь-сантехник. Довод Витьки: «Пашка, будешь санитарный техник!», а что придется дерьмо чистить, я не представлял. Итак, РУ №18.



Старая Москва

Прежде всего о ремесленном училище я вспоминаю с благодарностью. Как я гордился, когда проходил мимо ненавистной школы, которую только что бросил! На мне была черная форма, ремень, фуражечка, всякие железные значки, блестящие железные пуговки. А руки! Руки грязные, шея и лицо местами грязные от труда. Но сверкающий взор, я взрослый, я не школьник. Пришел в ремесленное — одни пацаны, здорово! Полно спортивных секций. Секцию выбирали преподаватели. Вот на меня надели огромные боксерские перчатки. Удар! Я лежу, в глазах разноцветные искры. Будешь ходить? — Не буду! — Не ходи.

Вот лыжи мне понравились. В ремеслухе я познакомился с Олежкой Казаковым, с которым мы дружим до сих пор. Ремесленное училище отличалось от школы своей чистотой отношений между учениками, между родителями и преподавателями. Никто никому ничего не лизал. Уважались сила, ум, работоспособность, честность, в школе этого никогда не было. Там все юлят, хитрят. Любимчики, отличники, богатенькие родители, подмазки, прогибы... Противно!

РЕМЕСЛУХА

В ремеслухе ничего этого мы не знали. Сильный — тебя уважают. Умный, но не сильный — тебя уважают. Честный, но не сильный и не умный — все равно тебя уважают. Чистота людских отношений. Первобытность и свежесть жизни. В ремеслухе мальчишки ни в кого не влюблялись, девчонок у нас не было. Фикстулить ни перед кем не надо. Здорово. Все время уходило на развитие.

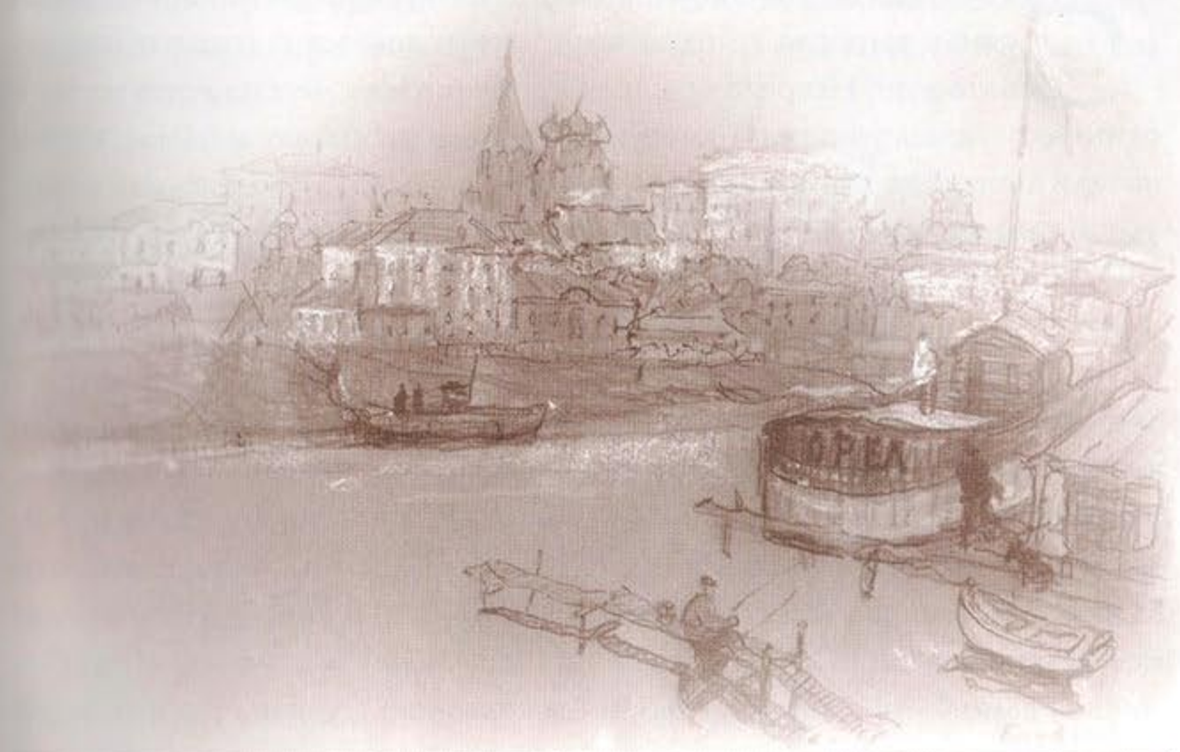
Москва. Балчуг

Однажды в 1960 году, будучи на практике, мы строили какой-то цех в Лианозово. Мы работали на четвертом этаже, в перерыве играли в салочки. И вот я, прыгая через барьер на другую часть крыши, перепутал барьер и полетел вниз с четвертого этажа. Упал. Вспышка света. Яркая музыка торжественная. Открываю глаза — ничего не понимаю. Вскочил. Стоит женщина и спрашивает: «У

ИСТОРИЯ ИЗ ЖИЗНИ РЕМЕСЛУХИ

вас кто-то упал?» Я: «Да не, мешки сбрасывали». Прибежали ребята, все белые от страха. А я их спрашиваю: «Где мои перчатки?» Это шок. Потом быстро прихожу в себя, осматриваюсь. Упал очень удачно: рядом стройлеса, попал бы на них — проткнулся бы, как шашлык, рядом куча кирпича, упал бы на нее — наверное, сейчас бы не писал об этом. Я упал по касательной в мокрую канаву. Была осень. Понимая, что я в горячке, у меня ничего не болит до поры, я ребятам говорю, чтобы ничего не рас-

сказывали мастеру производственного обучения, и быстро иду на платформу «Марк», сажусь в электричку до Савеловского вокзала, на автобусе «пятерочке» еду домой на Профсоюзную от конца до конца. Пришел домой, маме и папе ничего не рассказал. Так они и не узнали до своей смерти. Маме сказал, что очень заболел, и просил меня не трогать. Лег в темную комнату и провалился без сознания. Перед этим все рассказал брату Станиславу и строго наказал никому ничего не рассказывать. Мама все чувствовала, но я сказал, что просто простудился и все тело болит. Мне давали лекарства и пить. Врача так и не вызывали, я строго просил не вызывать, и когда мама заглядывала в комнату, я старался сделать безмятежную морду. Мастер ремеслухи тоже не знал, ребята промолчали, а то бы его посадили, а он-то ни при чем. Мы его любили. Борис Владимирович был хорошим педагогом, умел растить мужчин. Отлеживаясь на кровати и раздумывая после падения, я поумнел и понял, что пора развиваться и учиться.



Москва

С 1949 года по 1957-й мы жили на Шаболовке, за это время наша семья выросла до одиннадцати человек: мама, папа и нас девять душ. Назрела большая проблема: как можно жить и спать одиннадцати человекам в 18 метрах? Назрела проблема, и мама с папой начали хлопотать очень долго у нашего государства себе достойное жилье. В газетах и по радио везде талдычили о том, что нужны дети, особенно после войны, запрещали аборты. А на деле мать обзывали дурой, что столько нарожала. А чиновники в нашей стране особенные, самые бездушные в мире, если у тебя нет для них денег. Они такие же и сейчас. Ну так вот, мама обегала много порогов, и вот наконец с милости Моссовета нам выдали двухкомнатную квартиру в новом красивом доме на Профсоюзной. У нас была кухня! У нас был свой туалет! У нас была своя ванна! Это было счастье для всей семьи. Пускай, что у соседей

ДОМ НА ПРОФСОЮЗНОЙ

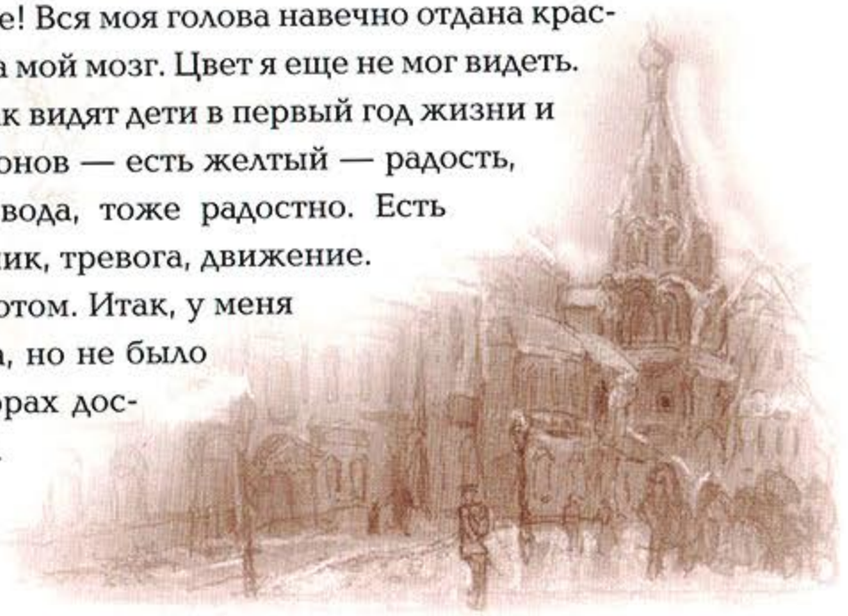
на двоих была такая же квартира, как у нас (они богатые, работают в торговле). Пускай мы спим по двое на одной кровати и нас одиннадцать душ. Мы, дети, были счастливы.

Дом на Профсоюзной был большой: десять подъездов, крепкий, кирпичный, с дубовым паркетом и с балконами. Про балкон сейчас расскажу историю. Мы с братом Стасом очень дружили. Ему тогда было 12 лет, мне 15, а потом шли все младшие, сестренок я не беру в расчет, у них был свой микроколлектив. Стас был ловчей меня, более спортивен, смелей меня, и во дворе его уважали, он здорово играл в футбол. В футбол мы играли своей командой, состоящей из братьев: Павел, это я, Стас, Витя, потом подросли Игорек и Олежка. В дальнейшем к нам подсоединились Боря и Лешка. Во дворе нас уважали, так как защита братская была обеспечена. Мы с братишкой Стаськой что-нибудь изобретали, разные шутки и проказы. Ну, например, под балконом (у нас был шестой этаж) проходили люди. И мы иногда брали копеечки, они у нас в стране ничего никогда не стоили, как и сейчас, дожидались, когда подойдет бабушка, бросали горсть копеечек (мы эти копеечки находили

штук по 10 за день). Бабушка останавливалась, смотрела наверх, потом крестилась и подбирала эти копеечки. И ждала. А мы тихо сидели и не показывались.

Затем бабушка, не дождавшись денег, уходила. Мы снова бросали копеечку. Бабушка возвращалась. Снова крестилась. И все повторялось, пока копеечки не кончались. Иногда сидели на балконе пацаны, и мы, старшие, покуривали, не затягиваясь, и друг друга подзадоривали. Как-то то ли Стас, то ли я предложили «на слабо» пройти по перилам шестиметрового балкона, ни за что не держась. И вот, балансируя руками, мы по очереди прошли этот путь. Малейшая неосторожность могла привести к падению и смерти. Но мы были мальчишки, и нас ничего не страшило. Дом на Профсоюзной другой своей стороной выходил на улицу Кржижановского, по которой ходил трамвай, на котором мы часто катались. Мама и папа иногда давали нам денег на трамвай, и мы всей семьей катались по всей Москве и по праздникам смотрели иллюминацию. По праздникам в Москве вечером в небе были портреты Ленина и Сталина и много тусклых желтых лампочек освещали различные призывы и портреты других людей, которых я не видел ни на улице, ни у нас дома. Где-то лет в двенадцать у меня появилось романтичное настроение, и я стал ходить гулять один, без братьев. Я ходил по Кржижановского вдоль трамвайной линии. Сплошные красные дома, кирпичные пятиэтажки заканчивались роскошным старинным особняком с забором и красивой оградой и парком. Последний красный дом я разглядывал особенно внимательно, на первом этаже я впервые увидел настоящие большие темные картины. Возле этих картин стояли и медленно двигались люди в белых халатах, похожие на врачей, они держали какие-то кисти и лопатки. На столах лежали различные никелированные щипцы, скальпели, молоточки, утюги, много в банках ваты. И волшебство краски. Я подходил к окну, меня не гнали, видно, мой восторженный вид все говорил. Я нюхал воздух, который шел из этих волшебных комнат, и мне... и мне захотелось иметь хоть часть этого волшебства — краски. Просить денег у папы и мамы я не решился, а где взять деньги, я не знал. Гуляя как-то по переулкам, я увидел приемный пункт стеклотары и целую гору бутылок из-под масла. Люди их приносили просто так, их надо было отмывать от масла. И меня осенило, я спросил приемщицу: если я отмою, она даст мне денег? Она сказала, даст. Сколько стоили масляные краски, я не знал, побежал в канцелярский. Четыре рубля 50 копеек, до реформы 1960 года, 10 штук маленьких. Я отмыл десять бутылок и купил себе коробочку заветных красок. Не дыша я пришел домой, сел в уголок темной комнаты и медленно стал отворачивать крышечку за крышечкой и нюхать эти заветные краски. Так было примерно дня три. Краски я прятал. А когда показал родителям, папа сказал, что надо найти фанерки и на них рисовать. Его отец свои картины рисовал на больших листах фанеры. И вот найдены подходящие фанерки, и я, открыв тюбик зеленой краски, пальцем намазал зеленое пятно. Восторг. Затем рядом положил синий, очень темно, почти черно, положил на синий белый и растер его, получив голубое. Восторг! Яркое желтое пятно легло ниже голубого и зеленого. Мизинцем намазал коричневые и белые полоски, получая первобытный пейзаж.

Такой восторг и счастье! Вся моя голова навечно отдана краскам, их воздействию на мой мозг. Цвет я еще не мог видеть. Я еще видел все так, как видят дети в первый год жизни и потом. Никаких полутонов — есть желтый — радость, есть синий — небо, вода, тоже радостно. Есть красный — это праздник, тревога, движение. Все остальное будет потом. Итак, у меня были краски, фанерка, но не было кистей. На первых порах достаточно хватало и рук.



Москва. Кремль

Закончив ремесленное и получив профессию слесаря-сантехника, был определен на работу в институт новых строительных материалов в котельную, подвал под руководством дяди Вани. Дядя Ваня очень любил свистеть и выпивать. Он был хороший мастер, знал все люки и коммуникации, замечательно чистил любые засоры. Но чтобы он что-нибудь сделал, надо было клиентам очень долго упраши-

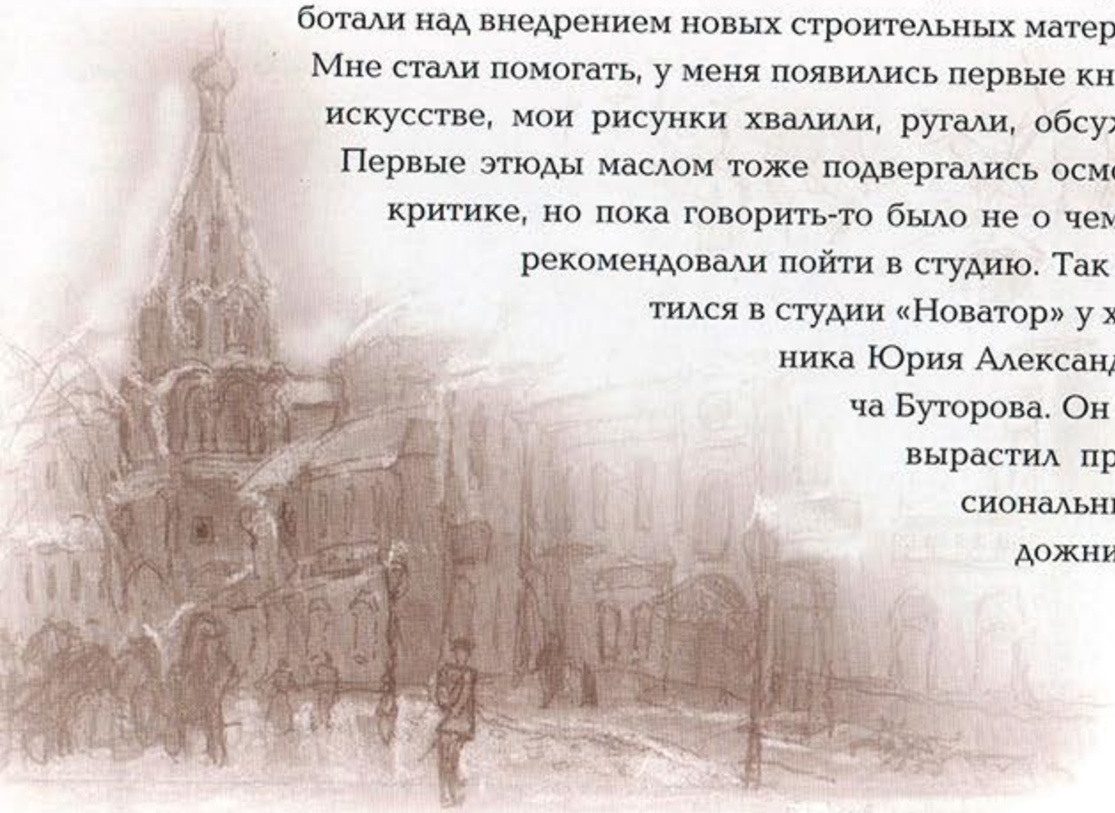
РАБОТА, УЧЕБА, АРМИЯ

вать, хныкать, умолять. Дядя Ваня невозмутимо выслушивал, потом говорил: «Чего стоим?» — и, насвистывая, уходил устранять неполадки. Меня он часто посылал чистить засоры в женском туалете. Представляете, как мне это было тяжело делать?! Мне 17 лет, я застенчивый, щеки горят, стучусь в туалет, в институте полно молоденьких лаборанток, красивых, юных... А мне надо себя пересилить, постучать в женский туалет, туда войти, повстречаться глазами с девушками и сделать свое

дело. Девчонки ухмылялись, шушукались, а я готов сквозь землю провалиться. Вот так меня воспитывал дядя Ваня, не жалел ни мою юность, ни мою застенчивость. У меня в «Стройматериалах» был дружок Вовка Бубликов, он тоже закончил ремеслуху и, как я, работал сантехником. Мы с ним ремонтировали институтскую душевую. И вот родилась идея подсмотреть, как моются женщины. У нас уже играла кровь молодых бычков, но познаний тогда в области секса было маловато. И очень хотелось посмотреть на живую женщину, как она устроена. Решили залезть в вентиляцию, там замереть и подглядывать. Гениально. Но мы не учли некоторого обстоятельства. Когда Вовка Бубликов первым полез в вентиляционный короб (он был более тощий, чем я) и устроился, как в театре, я ему страшно завидовал. Фантазия рисовала прекрасные картины. И вот наконец пришли женщины и начали раздеваться. О, Вовка, как тебе везет! Потом женщины начали включать воду, и... Вовка заер-

зал. По мере включения горячей воды в душевых пар стал заполнять все пространство и подниматься наверх. О, бедный, бедный Вовка! Он заерзал и стал издавать грохот. Женские глаза стали смотреть наверх и с ужасом обнаружили испуганные огромные глаза Вовки. Раздался женский вопль ужаса. Женщины стали выбегать из душевой и бежать в котельную, где мы были. Вовка успел вылезти из вентиляции, и мы убежали до того, когда разъяренные женщины ворвались в нее. В котельной дежурила тогда баба Таня, она стояла на улице и лузгала семечки. Все обошлось.

Работая в институте сантехником, я много рисовал карандашом. Рисовал все, что попадется. Однажды я нарисовал свои рабочие бахилы, и архитектор из лаборатории техэстетики увидел мой рисунок. Он посоветовал мне заходить к ним в лабораторию, и я познакомился с художниками и архитекторами, которые работали над внедрением новых строительных материалов. Мне стали помогать, у меня появились первые книги об искусстве, мои рисунки хвалили, ругали, обсуждали. Первые этюды маслом тоже подвергались осмотру и критике, но пока говорить-то было не о чем. Мне рекомендовали пойти в студию. Так я очутился в студии «Новатор» у художника Юрия Александровича Буторова. Он много вырастил профессиональных художников.



СТУДИЯ

Приход в студию воспринимался мной как праздник. Там было много народу разного состава: были дореволюционные бабушки и дедушки, были инвалиды войны, безногие и безрукие, было много учителей, военных, врачей, ученых, и были мы, молодые, стремящиеся схватить все знания об изобразительном искусстве. Мы были танкерами, огромными паромами, заглатывающими все, что касалось живописи, рисунка. Система обучения была разнообразной. Сегодня мы рисуем куб, пирамиду, завтра обнаженную, послезавтра делаем эскиз к картине. Все учились как сумасшедшие и каждый год поступали в художественные институты. Препятствий для поступления не было. Помимо студии, я заканчивал вечернюю школу, пел в самодеятельности, бегал на лыжах (участвовал в соревнованиях) и, конечно, работал, помогал материально маме и папе растить огромное семейство.

Наша семья тогда уже была четырнадцать человек, и жили мы пока в двухкомнатной квартире. Очень весело. Работали папа, мама, сестра и я. Брат учился в ремесленном, сестра в педучилище, остальные в школе или гуляли во дворе. В детсад никто не ходил. Мы помогали друг другу, у каждого были свои обязанности. В 1963 году мы купили телевизор, еще раньше — патефон. У папы была гитара, у мамы полно энергии и хорошего настроения. По праздникам мы собирались все вместе и устраивали концерт, где все дружно пели. У нас всегда были гости, родители были гостеприимные и хлебосольные и нас к тому же приучили. В доме всегда была живность в лице кошки или собаки, жила морская свинка и, конечно, попугай.

В 1965 году меня забрали в армию. Это было осенью, прямо после концерта, где я пел. Мы пошли домой. Вся выручка от концерта ушла на мои проводы. Весь ансамбль артистов — мои друзья, мои родители, мои братья и сестры — пели, веселились, а потом утром со стадиона «Красный пролетарий» отправили служить.

Служил я в ракетных войсках ПВО. Служил всего год. Мама добилась, чтобы меня, кормильца, отпустили раньше. Армия мне понравилась. Очень интересно, никакой дедовщины не было. Я гордился и горжусь, что служил тогда в армии на современной технике, занимался там спортом, бегал на лыжах, участвовал в самодеятельности — пел. Унывать было некогда. Делал зарисовки по возможности. Писал акварельные пейзажи.

В нашей семье не было лыж, их выдавали в школе, и мы нарезали круги прямо возле нее. Когда я пошел на работу, я начал заниматься лыжами на базе Планерной, стал участвовать в соревнованиях и смог добегаться до второго разряда. Дальше силенок не хватило. На работе мне выдали гоночный шоссейный велосипед, и днем я на нем гонял на работу и обратно. Иногда гонял по шоссе. Мы постоянно с

О СПОРТЕ, САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ

семьей ходили в походы, иногда длительные, больше недели, и это было и зимой. Сын до сих пор заядлый турист. Дочь больше любит домашний комфорт. Таким образом, спорт был моим другом. С детства я очень любил петь и пел однажды по Российскому радио «То березка, то рябина...». Когда я подрос, все мне прочили путь певца. У меня это получалось недурно. Я выступал однажды в Театре Станиславского и Немировича-Данченко и пел пять песен. Я вышел на сцену, едва не упал в артистиче-

скую яму, мне зачем-то накрасили в 17 лет красные губы и румянец, и, нисколько не боясь зрителей, запел. Однажды мы были с гастролями в колхозе, и я пел со сцены прямо перед коровником. Перед сценой стояли женщины в белых халатах, рядом были бидоны. Я тоненький был очень и пел что-то о любви. Краснощекие сбитые тетеньки мне бурно аплодировали и попросили режиссера оставить меня им, чтобы отпоить молочком. К счастью, я не любил молоко. Просто я его никогда не пил.

И вот армия позади, широкая дорога жизни впереди. У меня сомнений нет: я буду поступать в художественный институт. В какой? В один. В пединститут. Я не мог учиться в других вузах по одной причине. Я должен учиться только вечером. Я должен помогать маме и папе растить огромную семью. Ну а все художественные институты — это дневное обучение. В 1967 году я стал поступать в институт. Подал документы на вечерний факультет художественно-графический. Параллельно работал в лаборатории техэстетики художником-колористом. Я очень усердно готовился, много ходил в студию «Новатор», много писал этюды, бегал на соревнованиях на лыжах, пел в художественной самодеятельности, на все хватало сил. И вот настал день первого экзамена — рисунок.

Собрался, взял лист бумаги, карандаши, сказал маме «До свидания» и упал на пороге без сознания. Врачи констатировали нервное перевозбуждение и рекомендовали полный покой. Я очень переживал, что не пошел на экзамен на вечерний факультет, а на дневном я не мог учиться. Летом я уехал в Чувашию к дяде Мише, маминому брату. В Цивильске мне очень понравилось, меня очень хорошо приняли, я много писал этюдов и быстро восстановился. В августе я подал документы на дневной факультет, будь что будет, подумал я, не хотелось терять год, а добрые люди всегда помогут. Так и получилось, я успешно сдал экзамены, поступил и пошел к декану. Он мне сказал: «Сможешь перевестись на вечерний в течение трех дней — вперед!» На мое счастье, моя руководительница лаборатории в институте новых стройматериалов была замужем за человеком, который был другом зам. министра образования. Она объяснила мою ситуацию, что у меня в семье двенадцать детей, что я очень, очень хочу учиться. Он все понял и решил мне помочь. Я написал заявление на имя зам. министра, объяснил всю ситуацию. Друг зам. министра на заявлении попросил его мне помочь по возможности. И вот я иду в отдел образования в министерство. Что там творилось! Знатные люди, генералы, разные блатные мамашки и папашки. Все лезут в кабинет, никто никого не уважает, только бы ворваться в заветную дверь! Я, как мышонок, смотрел на все это и ждал момент. Когда началась очередная разборка между родителями — кто первый ворвется в кабинет? — я прошмыгнул между ними со своим заявлением. Нервный усталый человек сказал: «Что тебе надо?» Я пролепетал ему свою проблему и сказал, что не могу учиться днем, а хочу вечером. Он быстро мне ответил: «Не можешь — не учись! И нечего мне морочить голову».

Тут я протянул ему заявление с запиской его друга. Он устало быстро посмотрел на нее. Потом он изменился в лице, улыбнулся и спросил: «Хочешь учиться?» Я тихо: «Да!» — «Ну, учись!» — и широким росчерком дал указание ректору института зачислить меня на вечерний факультет, переведя с дневного. Так я стал студентом.

Учиться было очень интересно, весело. Ребята все были взрослые, многие уже закончили художественные училища. Днем я работал художником в лаборатории техэстетики, вечером учился в институте. Жизнь била ключом. В институте появились друзья-художники. Это Игорек Шиляев, прекрасный график, хитроватенький, с маленькими глазками, книголюб, и Миша Фролов — мужик-красавец, работал в Третьяковской галерее реставратором-живописцем, чем сильно гордился, ну и правильно делал, было чем. Вот мы втроем и держались, первыми ходили на экзамен, первыми занимали места в классе живописи, рисунка. Вместе ездили на этюды. Затем я еще больше сблизился с Мишей. Он познакомил меня с реставраторами Третьяковки, с трепетом входил в реставрационную мастерскую и дышал чудесным ароматом скипидара и лака, красок и всяких растворителей. Я познакомился с выдающимися реставраторами Михаилом Федоровичем Чуроновым, Лешей Астафьевым, Алексеем Ковалевым и другими. Все они были реставраторами старой доброй школы, высочайшей квалификации, восстанавливали классиков мировой величины. Они меня тоже потихоньку учили навыкам реставрации. Все они были и сильными художниками, ездили дружно на этюды. Атмосфера тогда была особой. Люди стремились общаться, познавать и любоваться миром. Никто никому не завидовал. Каждый понимал свое место и свою значимость. Мы, молодые, торопились утвердиться в том мире, старики осаживали, но не обидно: учитесь, ребята, пока мы живы. И мы учились.

Дипломной работой моей были «По лермонтовским местам» — живопись, пейзажи. В Нахабино есть усадьба бабушки М. Ю. Лермонтова, там я проводил несколько месяцев, делая наброски, пейзажи. Очень живописное место. Диплом защитил с отличием и стал искать себе другую работу. Конечно, хотелось деньжонок зарабатывать побольше, и мне помогли устроиться работать художником-оформителем на ВДНХ. Это тогда было очень престижно. ВДНХ — это огромный город-выставка, со своим транспортом, десятки павильонов, парки, сады, развлекательные и культурные центры, такого больше не было во всем мире. Достаточно вспомнить фонтан «Дружба народов» — огромное сооружение из смальты, золота, полудрагоценных камней, скульптур величиной с трехэтажный дом, каскады воды. Выставка в любую погоду должна была выражать мощь и красоту нашей великой страны, и она выражала. Да, помпезная, да, ложная в некоторых показателях, но торжественная и праздничная, и все это делали конструкторы, художники, тысячи специалистов. Я был вначале очень рад такой жизни и влез по уши в работу. Но темпы и занятость не позволяли мне заниматься спортом, ходить в театр, а главное, я перестал ходить писать этюды, перестал работать с натуры. Это страшно меня бесило. Встал выбор: или я зарабатываю деньги, рисуя графики и картинки достижений с 9 утра до 19 вечера, или искать другую работу, дающую возможность заниматься творчеством. Я выбрал второе и через полгода уволился с выставки. И остался без работы. К тому времени я был уже женат и имел прекрасную дочь Иринку. Вот теперь расскажу поподробнее о личной жизни,

пока я без работы. В нашем доме на Профсоюзной улице мы, Блудновы, жили на первом этаже в двух квартирах друг против друга, то есть напротив, а посередине лифт. Я жил в трехкомнатной квартире в комнате посередине, и окна мои выходили на двор, и мимо подъезда проходили девчонки, всех я их разглядывал. Кто-то нравился, а кто-то не нравился. Большинство не нравилось. Ну еще бы, я художник! К тому же мои друзья были холостые, и мы друг над другом подтрунивали: кто быстрей женится, того мы и побьем. Мы — это Мишка Мартынов, Славка Калмыков и Пашка Блуднов. Все мы были рабочие студенты, любили спорить, слушать «битлов», иногда пить коньячок, но без девочек. Работали мы все вместе в одной конторе, институте новых стройматериалов, но в разных лабораториях. Самый продвинутый, как сейчас говорят, был Миша. У него был сарай для разных опытов. Начальство туда не заглядывало. Мы там немножко убрались, Миша притащил магнитофон «Яуза». Магнитофон тогда был редкостью, как сейчас спутниковый телефон, и мы слушали Высоцкого, Окуджаву, Галича, «битлов», «роллингов». Иногда бешено танцевали, иногда при свечах тихо слушали музыку, попивая коньячок. Все это было в обеденный перерыв строго. А деньги на коньяк откладывали по копеечке и не каждый день. Да и стоил он тогда четыре рубля. И вечные молодые разговоры. Третий мой друг — Слава Калмыков. Он пришел на работу совсем мальчишкой. Высокий, рыжеватый, немножечко неуклюжий и очень добродушный. Мы с ним познакомились смешно. В обеденный перерыв играли в футбол. Я ему подкинул кирпич на ногу вместо мяча, а он подкинул кирпич повыше, прямо мне на голову, и такой у него был конфузливый взгляд, мне ничего не оставалось, как рассмеяться. С тех пор мы уже почти 45 лет друзья.

Ну так вот, я нарушил наш обет и женился. Во дворе я познакомился с милой улыбающейся женщиной, она поздоровалась и сказала, что я здорово пою, что у нее есть дочь. И пригласила меня в гости на четвертый этаж. Я пообещал, но не заинтересованно. Однажды, работая в свой мастерской, рисуя стенгазету, я услышал за стеной разговор, говорили обо мне две женщины. Один голос мне показался знакомым. Я прислушался: «Хороший он мальчик, так хорошо поет, и симпатичный, да вот беда, из бедной семьи. Надо же, двенадцать детей нарожать!..» и т.д. Мне хотелось посмотреть, кто же эта женщина, такая богатая, и чем занимается. Я зашел в соседнюю комнату, там сидели две пожилые чертежницы. Одна из них была соседка по дому с четвертого этажа, Елизавета Федоровна, будущая моя теща. С будущей женой я познакомился у них в квартире, звали ее Алевтина. Внешне это была крепко сбитая, симпатичная, розовощекая, веснушчатая, не лишенная юмора девушка. Мы разболтались, меня напоили вкусным чаем, потом пришел ее папа, Дмитрий Григорьевич, красавец, очень интересный, улыбчивый, волевой мужчина. Мы с ним по рюмочке выпили, потом Елизавета Федоровна попросила меня спеть и очень осталась довольна. Все это время я наблюдал и напрягся, ожидая грубого вопроса о семье, о матери, об отце. Напряглась и Алевтина, боясь бестактного вопроса. Но все было хорошо, тихо и спокойненько. Дальше Аля стала приходить ко мне в гости, мы садились на диване, пили чай, я ей гордо показывал свои работы, ей они очень нравились. Я узнал, что она хорошая спортсменка. Она с упоением рассказывала мне об академической гребле, как парит она над водой. С каким теплом она отзывалась о сво-

В день свадьбы

их тренерах! С любовью говорила о воде, чайках, себя представляла птицей. Ее большие, серые в голубизну, глаза горели, розовое лицо еще больше покрывалось румянцем, белокурые волосы развевались, короче, она начинала мне нравиться. Это была романтичная, взбалмошная, очень добрая, но не уверенная в бытовых ситуациях девушка. Она стала моей женой. Мы с ней прожили счастливо почти двадцать лет! В тот момент, когда я искал работу, я был гордый, но бедный. Перебивался временной работой, то реставрацией храмов, то оформительской работой, то преподавал в интернате, но ни одного дня не было, чтобы в руках у меня не было кисти. В любой ситуации я старался писать этюды. Спорт был заброшен, было не до самодеятельности. Время летело стремительно. Однажды моя сестра Наталья предложила мне поработать в вечерней школе для лиц с недостатком слуха и речи. Условия: работа

С семьей на выставке

три раза в неделю вечером, с 16 часов, учителем черчения. Там же приработок — уроки истории. И там же оформление школы. Школа большая, четырехэтажная, в Лялином переулке была, снесли. Оплата хорошая плюс надбавка за вредность (олигофрены, плохо слышащие и плохо говорящие, плохо управляемые подростки). И еще мне давали *мастерскую*. Это была фантастика, об этом можно было только мечтать. Три дня я брал этюдник и писал целыми днями, я мог работать в мастерской, писать что-то вроде картин, композиции. У меня были ключи от школы, я мог быть в любое время в мастерской. Я согласился. Спасибо всем учителям, завучу, директору. Они все понимали, как мне хотелось быть художником, многое мне прощалось, мои опоздания, иногда не очень хорошую подготовку к урокам, все прощали. Я старался отвечать по возможности добром, школа была оформлена лучше всех в районе. В доме появился достаток, меня стала признавать теща, моя дочка и жена стали кушать и одеваться значительно лучше. Спасибо школе. Но, приходя после живописи с этюдов или музея, или из реставрационной мастерской в Третьяковке, я видел перед собой тупые рожи, наглых подростков, которые, не стесняясь, курили, плевались, ругались в коридорах, бегали, как огромные козлы, в туалетах занимались онанизмом, и директор призывал нас их разгонять. И спустя три года работы в этом раю-аду мне стало тоскливо. Ну не мог я совместить любование природой, пение птиц, тишину леса, голубизну неба с ревом в школе, встречей с этими мерзкими рожами. Ведь им выдавали аттестат зрелости, что они закончили среднюю школу. Эта банда стояла возле школы, курила, ругалась, толкалась, орала и плевалась сзади на пальто пожилым людям. Они не могли дать сдачи. Я все чаще стал впадать в уныние и страстно искать, просить друзей помочь мне приблизиться хоть каким-нибудь углом к изобразительному искусству. В один счастливый день мой друг Миша Фролов сказал мне, что есть место художника-реставратора, но с невысокой зарплатой. Я помчался устраиваться на работу. Это был Всесоюзный производственный комбинат им. Вучетича Министерства

культуры СССР. Встретил меня Альберт Викторович Борисов, реставратор высшей квалификации, член Союза художников СССР. Мы поговорили, меня рекомендовали, и вот я реставратор живописи. Какое счастье! Огромная светлая мастерская на Профсоюзной, пахнет красками, лаками, живописью. На стеллажах картины разных мастеров. Комбинат подчинялся Министерству культуры СССР и занимался следующим: на территории был огромный скульптурный цех, где собирали, лепили, вырубали, создавали огромные монументы, памятники для Советского Союза: бесчисленные Ленины, деятели партии, великие люди странно смотрели на всех с высоты строительных лесов. На комбинате был также огромный запасник графики, рисунка, живописи, скульптуры, прикладного искусства. Еще был закупочный фонд уникальных музыкальных инструментов, скрипок, альтов. И множество вспомогательных цехов. В общем, это было гигантское сооружение, обслуживающее искусство страны и за рубежом. Комбинат был устроителем огромных всесоюзных выставок как внутри страны, так и за рубежом. Также устраивались выставки в ведущих музеях мира: Лувр, Прадо и т.д. Каждый день из двора комбината отъезжали огромные фургоны с произведениями искусства во все уголки мира и так же прибывали. Я был художником-реставратором по живописи, и в мою задачу входило подготовить картину к отправке, дать разрешение на отправку, следить за правильной упаковкой и транспортировкой. Ну, например, собирается выставка из какого-нибудь музея, например, из Третьяковки, скажем, во Францию, в музей Орсе. Я рассматриваю картину, сверяю ее с актом музея, потом смотрю ее всю, и если есть изменения, вношу их в приемный акт. После этого я подписываю акт музея и акт приемки. С этого времени все, что произойдет с картиной, какие-либо изменения, ответственность на принимающей стороне, то есть и на мне. Огромное количество шедевров прошло через мои руки за пятнадцать лет работы. Это были и итальянские мастера эпохи Возрождения, и испанские мастера, знаменитые импрессионисты и абстракционисты, и современные мастера искусства Запада. Иногда собирались тематические выставки: например, художники 20—30-х годов из провинциальных музеев. Их привозили в ужасном состоянии, живопись отслаивалась, холсты порваны и т.д. И все это надо было приводить в экспозиционный вид в срок отправки выставки. Реставрации хватало. Я бы никогда не справился и не научился этому ремеслу, если бы мне не помог мой руководитель Альберт Викторович Борисов. Великий мастер реставрации, с огромной интуицией, с быстрыми руками, а также замечательный художник-колорист, он учил меня нетерпеливо, поругивая, показывая свои секретные приемы и навыки. Мы с ним разговаривали о живописи, я показывал ему свои работы, он мне показывал свои. Этюды мои ему нравились. В мастерскую захаживали большие мастера советского искусства, многие живописцы: Дейнека, Ромадин, Щербаков, Налбандян, Окороков, Обросов и т.д. Однажды Игорь Обросов посмотрел мои работы и посетовал: «Ну что, все

На этюдах. 1978 г.

учишься? Это хорошо. Но чтобы к осени написал две картины, что тебе ближе к сердцу». Осенью проходил выставком Всесоюзной выставки «Молодость страны» в Манеже. Мои картины прошли и были вывешены на выставке, одну купили, на эти деньги мама для меня приобрела мебельный гарнитур. Почему мама? Да потому, что в то время ничего нельзя было купить. Ночами отмечались, номерки писались на ладони, а по блату или с переплатой — пожалуйста. Мама написала заявление директору магазина, рассказала, что у нее двенадцать детей, и ей разрешили купить мебель.

Участие во Всесоюзной выставке дало мне право вступления в Союз художников СССР, и в 1976 году я вступил в молодежное объединение Союза художников, а в 1979-м — в Союз художников СССР, и так свершилось то, о чем я мечтал, к чему стремился, чем дышал и жил. С огромной энергией я работал реставратором. С воодушевлением я принялся писать картины, все время работал и ждал — скорее бы утро. Мне все было интересно. Мы семьей ходили в походы. Зимой на лыжах, летом с палатками. Неделями ночевали в лесу. Тогда это было не страшно. В 1979 году родился сын Гриша. Мы все были счастливы. Была большая дружная семья. Дома старались не сидеть, все время на природе, с нами собачка Друнька. История Друньки. Как-то ко мне в мастерскую зашли Илья Сергеевич Глазунов и его жена Нина. Они посетовали, что их дочь Вера принесла домой маленького щеночка, дворняжку. И Илье очень неудобно, что в его апартаментах будет жить какая-то дворняжка. Они уговаривали Веру освободиться от щенка, она наотрез отказывалась. Тогда ей предложили другую, породистую собачку, но она категорически отказалась. И только после того, когда родители пообещали пристроить щенка в хорошие руки, она согласилась. А в это время моя дочка Ирочка страстно мечтала иметь коня. Тем более дедушка ей обещал, еще когда ей было два годика. Она ждала и верила. Но на шестой этаж коня не затащить — вот мы и решили взять беленького щеночка вместо коня. И вот я за пазухой принес Дружка. Мы все дома были уверены,

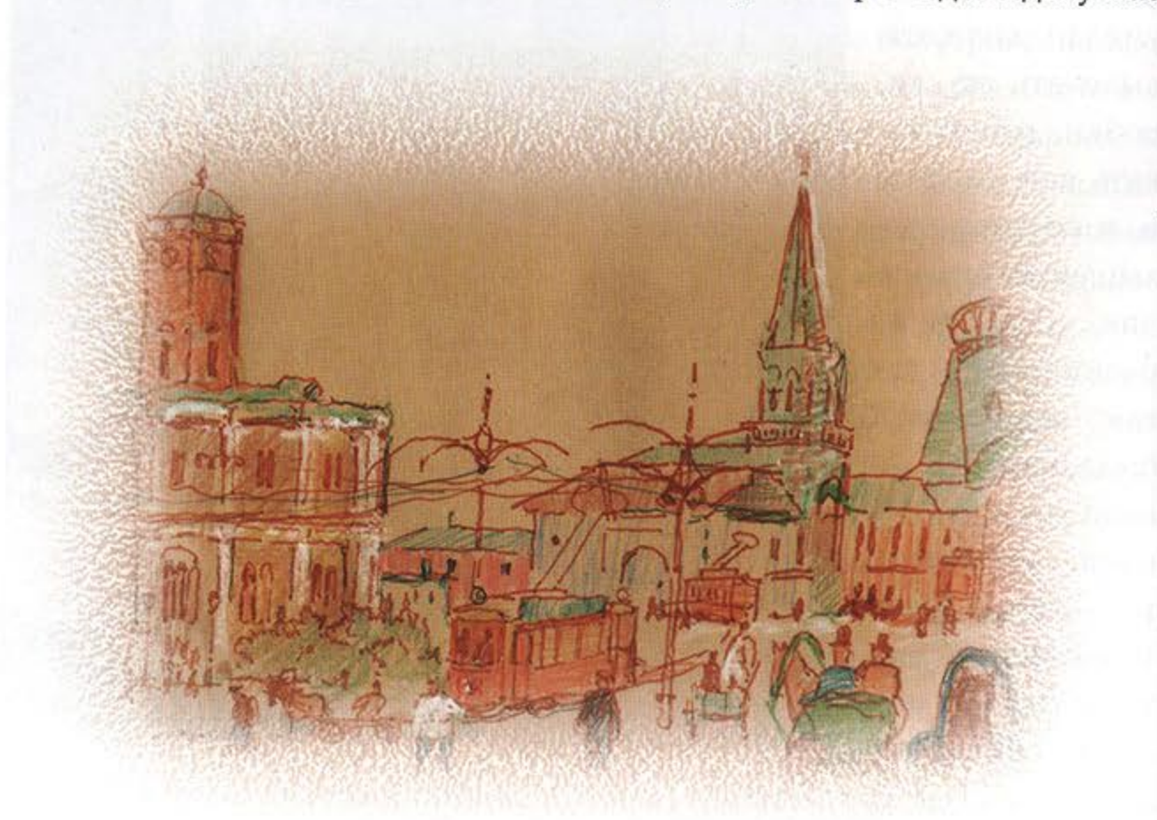
что это мальчик, но кто-то из соседей рассмотрел, что это девочка. Так Дружок превратился в Друньку.

Вообще у нас дома всегда были животные. Даже когда я жил с мамой и папой и всей своей огромной семьей, у нас, естественно, всегда были и жили бродячие собаки, которых притаскивали младшие братики и сестренки. Кошки как-то сами к нам заходили. Ну а попугаи, по-моему, никогда не переводились. Всех их дрессировали, и иногда успешно. Жила у нас когда-то морская свинка Шушка. Что она умела: визжать, вылезать из коробки, много какать под шкафом и, к восторгу малышей, катать мячик. Она жила очень долго. А когда она умерла, была погребена, и папа ее помянул, купив четвертинку. Рыбки были героические, они тоже годами жили без смены свежей воды.

Моя семья

Моя жена Алевтина Дмитриевна была чрезвычайно сердобольная женщина. Жили мы на первом этаже, и часто она вылавливала во дворе сбежавших с балконов живых кур, купленных соседями на обед. Она их купала в душе, мыла шампунем, сушила феном и выпускала гулять по коврам, при этом обильно покормив крупой. Вечером я приходил с работы и, обомлев, начинал орать, объясняя про чистоту в доме, но где-то в душе радуясь, что у меня добрая жена и дети. На следующий день устраивался совет: куда ее девать, и чаще всего Аля отвозила курицу в ближайшую деревню в Подмосковье, находила такую же сердобольную бабушку и очень просила, чтобы, пока она не дойдет до остановки, ее не съели. Иногда ей за это давали яйца.

Была у нас легендарная черная курица, также найденная под окнами. Когда ее жена мыла, она снесла яичко. Так вот, эта курица у какой-то бабушки несла огромные темные яйца года четыре. Однажды у нас



жил гусенок Гоша. Ну вы представляете: хорошо обставленная чистая квартира с ковролином на полу и шустрый гусенок, который орет и какает, орет и какает. К утру пол весь был в белых ошметках. Я зверел. Ну, и теперь апофеоз из жизни с квартирными животными. Однажды я возвращаюсь с работы, открываю дверь ключом и слышу: «Бе-е-е! Бе-е-е!» Я замер. На меня шла коза, а сзади с большими радостными глазами Алевтина Дмитриевна. Я сел, тут жена начала лепетать, что ей стало очень жалко козу, что она была на «Птичке» и ей продавщица сказала, что коза хорошенькая, места занимает мало, что какашек от нее мало, и если ее не купят, придется ее зарезать. Так коза оказалась в нашей трехкомнатной квартире в Москве. Весь вечер коза блеяла, ребята радовались, жена радовалась, ее кормили всем, что было: конфеты, булки, сыр. Ну а мне было не до радости: что делать с козой, куда ее устроить? В первую же ночь она забралась к нам с женой в постель и стала блеять и топтаться между нами. Я разозлился, сказал жене: «Ну и спи со своей козой!» — и ушел спать на кухню. Потом утром позвонил теще и просил козу забрать на дачу. Наконец коза оказалась на даче, ей построили загон, положили сена, но она беспрерывно блеяла. Кто-то из дачников сказал, что козы не переносят одиночества, и Алевтина Дмитриевна в очередной раз устраивала жизнь козы. Кроме казусов с животными, была веселая и познавательная жизнь детей с ними. Вот и сейчас со мной живет кот Барсик. Он понимает, что нельзя вставать лапами на палитру, ходить по холстам и царапать их. Любит наблюдать, когда я работаю, и дремать среди красок и разбавителей.

Мальта

Однажды зимой, в декабре 1982 года, ко мне в мастерскую заглянул искусствовед Миша Гельцер и спросил меня, не хочу ли я поехать во Вьетнам месяца на два. Я замер: «Конечно, конечно, хочу!» До этого я уже много поездил по стране. Был в Прибалтике, на юге, в Средней Азии, много объездил городов в России. Но никогда не был за границей. Да тут еще Вьетнам. Экзотика, слоны, крокодилы, тропические цветы, вьетнамцы, победившие американцев. Конечно, сказка. И я хочу побывать в сказке. Миша мне объяснил: должно состояться огромное политическое действо во Вьетнаме «СССР — 60 лет». Будет огромная культурная программа: постановка балета «Спартак», где будут танцевать артисты Вьетнама, большой гала-концерт с

ПОЕЗДКИ ЗА РУБЕЖ И ПО СТРАНЕ

участием ведущих артистов и художественная выставка из музеев СССР. Нужен сопровождающий этой выставки и ответственный за сохранность произведений. Миша Гельцер никогда не летал на самолете и предложил мне, пообещав похлопотать в Министерстве культуры. Время тогда поджимало, это было в ноябре, а Дни культуры СССР должны были открыться в январе. И вот дали добро. Я начал оформляться. Сперва пошел в райком, там прошел комиссию, где сидели ветераны и люди в штатском, спрашивали о политической ситуации во Вьетнаме и у нас в стране. Я беспартийный, и кое-что пришлось учить. Пройдя комиссию, сдал документы в МИД СССР, потом в поликлинике мне в спину засадили огромный шприц от тропических болезней, и в середине декабря я вылетел во Вьетнам в составе делегации на Дни культуры. Официальную делегацию принимал премьер страны Фам Ван Донг. Невысокий улыбающийся дедушка сидел в плетеном кресле и ласково с нами разговаривал. Одет он был в распашонку, легкие короткие светлые штаны и во вьетнамки на босу ногу. Сидел непринужденно, нога закинута на ногу. Иногда увлекаясь, рассказывая о стране, дедушка почесывал ножки, при этом постоянно улыбаясь. Мы же были напряжены, нелепо одетые в теплые серые костюмы, в рубашках с затянутым галстуком, обливаясь потом.

На следующий день у нас была назначена встреча с соратником Хо Ши Мина — это вождь Вьетнама. Сейчас он покоится в мавзолее, построенном советским архитектором и скульптором, слегка улыбаясь. Мавзолей очень просторный и светлый, очень торжественный и праздничный. Так вот, утром рано нас посадили в легковые машины, и мы поехали, любуясь вьетнамскими пейзажами. Везде цветут орхидеи, лотосы, красивые деревья и цветы, а также вдоль дороги стояли разрушенные танки и самоходные пушки, различная искореженная техника. Проехав примерно 60 километров, мы приехали в деревню. В деревне чисто, повели к дому друга Хо Ши Мина. Навстречу к нам уже шел, широко улыбаясь, очень похожий на самого вождя старичок. Лет ему при-

мерно было восемьдесят. Открытое, добродушное лицо с реденькой бороденкой в три волоска выражало неподдельную радость. Рядом с ним семенила маленькая, миниатюрная старушка. Его жена. Соратник вождя долго нам рассказывал, как они доблестно воевали с американцами и руководили победоносной армией. Когда рассказ был закончен, мы поблагодарили ветерана и собрались уезжать. Дедушка нас остановил и решил угостить кокосовым соком. Жена сбегала, принесла огромный мачете, дедушка вприпрыжку забрался (высота примерно с десятый этаж) на пальму, срубил кокосы и так же ловко спустился вниз. Затем жена вынесла стаканы из самодельного стекла с пузырями, потом помыла их в зеленом ручье, в котором стояли гуси, куры и лежал хрюкал поросенок. Мы с ужасом ждали продолжения. Дедушка разрубил огромный кокос, вылил содержимое в стаканы и с милой улыбкой предложил нам это выпить. Отказаться было нельзя — закон гостеприимства. Вся дальнейшая поездка обратно состояла в думах: доедем ли до горшка? Доехали. И тут же выпили по стакану водки «Люа Мой». Кто не выпил, целую неделю, сидя на стульчаке, ругал себя!

Работать во Вьетнаме приходилось много, полная неразбериха на таможне, организация зала под выставку, его оформление полностью лежало на нашей стороне. В то время Вьетнам был после войны, не хватало продовольствия, промышленных товаров. Цены на рынках были невообразимые. Например, председатель Союза художников, профессор получал 300 донгов, а мясо на рынке стоило 200 донгов 1 кг. Представьте, как жили простые вьетнамцы. Проституция малолетних, полнейшая безработица, частные автомобили запрещены, только мопеды у обеспеченных людей. А все рынки забиты различными товарами. Улицы делятся по названию товара, продающегося на ней. Например, телевизионная или джинсовая. Все было, а купить невозможно. Расскажу еще один трагикомичный случай из этой поездки. Начальство от культуры решило помочь вьетнамцам создать национальный классический балет. Для этого на Дни культуры СССР — 60 лет — было решено поста-

вить балет «Спартак» А. Хачатуряна. Постановщиками были два ведущих балетмейстера. Зарплата артистов балета едва достигала 100 донгов, я повторюсь, а мясо стоило 200 донгов килограмм. Наши балетмейстеры долго добивались от властей, чтобы как-то накормили артистов, потому что прыгать и скакать во всю мощь у них не было сил.

Потом и от этой идеи отказались, решили показать только финальную сцену — распятие Спартака. Спартаком был назначен сам балетмейстер В. Ковтун, народный артист СССР, красавец, сильный, высокий, с огромными прыжками, он полностью создавал образ героя. И вот финальный гала-концерт. Выступают знаменитости: М. Сабирова, С. Леферкус, Ж. Бичевская и т.д. А во втором отделении должен быть финальный фрагмент балета. И вот занавес под торжественную музыку открывается: дирижирует Карен Хачатурян. Вьетнамские артисты скачут с мечами по сцене, они очень стараются. И вот финал. Выстраивается пирамида артистов, прикрытых щитами, и по этим щитам, оттанцевав прекрасно свою партию, вдохновенно вбегает Спартак, стремясь к распятию. И в этот момент щиты вьетнамцев не выдерживают нашего артиста, и он в нелепой позе летит задницей вниз. Музыка торжествен-

но продолжает играть. В какой-то момент слышится возглас падающего артиста: «Вот мудаки!» Занавес закрывается! В зале потушен свет — и тишина. Затем занавес открывается: на сцене на щитах стоит распятый Спартак и ржет в конвульсиях. Оркестр доигрывает финал, балет закончился.

Ну а на выставке все было в порядке: наша бригада художников трудилась, создавая экспозицию, и проводила встречи с руководством Союза художников Вьетнама. Трудились круглые сутки. Вьетнамцы нам мало помогали. Только когда мы очень уставали, особенно ночью, нам предлагали своеобразный кофе: ставили маленькие чашечки, в них наливалась какая-то душистая жидкость, потом приносили корзинку, из нее вынимали живую змею и отрубали ей голову, а капельки крови капали в чашечки. Приняв такую чашечку, можно было трудиться всю ночь. Беседы об искусстве тоже проходили своеобразно. Народ — художники, скульпторы, искусствоведы Вьетнама — рассаживали по одну сторону стола, а мы, члены делегации, по другую. По стенам — шедевры советской живописи. На столе стояли вазы с королевскими бананами и бутыли с самогоном или бутылки с водкой «Люа Мой» — и всё.

Климат во Вьетнаме влажный, тропический. Рис хранить трудно, и много риса уходит на водку. Ее там залейся. Ну а с закуской трудновато. Беседа начиналась с тоста: за дружбу между народами, и рассказ о том или ином художнике сопровождался очередным тостом. А тостуют во Вьетнаме не как у нас. Тостующий подходит ко мне, говорит тост и выпивает вместе со мной. Остальные вьетнамцы не пьют, ждут своей очереди. А так как выпить хочется, то моментально рождается другой тост. К концу встречи наша делегация мирно спала, уткнувшись в банановые корки. Э, нет, так дело не пойдет! И мы решили, что рассказ о выставке будет вести один член делегации по очереди, а другие не пьют. Стало легче. Один назюзюкается, а мы свежие как огурцы. Правду сказать, вьетнамская водочка быстро выветривается, к тому же она 35°. Огромная влажность быстро очищает вместе с потом организм.

Выставки, встречи проходили в разных городах Вьетнама — в Ханое, Хайфоне и Хошимине (Сайгоне). Удивительный климат, пейзаж, сам народ оставили неизгладимое впечатление о стране. Я по возможности работал, писал акварели, делал наброски.

По возвращении домой написал две картины, одну из них приобрел Худфонд СССР. По результатам поездки был награжден знаком «Ударник культуры Вьетнама», присвоено звание «Почетный гражданин г. Хошимина». В 1980 году я был принят на постоянную гарантию в комбинат живописного искусства, где писали картины для всего Советского Союза на все темы, мыслимые и немыслимые. Например, я писал картины на тему «Прорыв обороны. Голубая линия на Малой земле», а вот «Социальное развитие завода» попробуй напиши, это ведь картина. Комбинат был хорошей школой для молодых, да и всех художников. На комбинате работал художественный совет, состоящий из художников, работающих там же. В совет могли войти все, кто качественно сдавал свои картины, то есть без замечаний, то есть любой художник. Совет состоял обычно человек из двадцати. Перед началом совета художники привозили свои картины, записывались на совет и затем показывали. Итак, совет начался. Рабочие вносят картину, говорят название, кто автор и сколько она стоит. Художник садится на стул сбоку, но немножко впереди совета. Этот стул у художников именовался «электрический». Сзади совета выстраивались художники, болельщики — друзья художника и зрители. Вход в совет свободный. Посидев минуты три, члены совета начинали говорить: «Картина хорошая, но...» Это «но» ударяло молнией по всем частям тела. Потому-то и стул электрический. И начиналось! Подпрыгивая, тянули руки, чтобы высказаться об очередном недостатке в работе. То ухо подлетело, то нос свернут набок, то клумба похожа на кучу навоза. А художник тем временем все более вжимался в стул. Наконец всё высказали, вспомнили, что они сами такие же художники, кто-нибудь начинал: «Ну, вообще-то картина хорошая, так, есть отдельные недостатки, но можно принять в рабочем порядке». Пу-

тем голосования картину принимали или не принимали. Если принимали, все бросались поздравлять художника и шли обмывать удачу. Если не принимали, то сочувствовали и шли в мастерскую обмывать неудачу. Картина дорабатывалась. Работа в комбинате дала мне возможность объездить Север, Сибирь, Среднюю Азию, Юг, Украину, Россию — везде были заказы, и их надо было выполнять. Деньги тогда художники зарабатывали хорошие. Я обычно брал в начале января два заказа, то есть две картины, ехал на Север или в Сибирь. Там исполнение картины дороже ценилось, и старики художники не любили ездить в холод. Затем, съездив на объект и сделав эскизы, утвердив их у заказчика, возвращался в Москву. В Москве, утвердив эскизы в комбинате, начинал писать картины. Размером до двух метров. Картины писал месяца три. При этом успевал работать художником-реставратором. Написав и сдав картины, примерно в конце апреля я был свободен от живописных картин комбината и мог работать творчески и заниматься реставрацией, следить за выставками, которые намечались в течение года, и участвовать в них.

В 1984 году мне предложили поехать после Вьетнама в Венецию сопровождающим выставки на Бьеннале. Я был в полном восторге. Я увижу Венецию! Помню, мы повезли работы театрального художника Л. Тышлера. «Бьеннале ди Венеция» — эта международная выставка проходит раз в два года. На ней обычно представлено авангардное искусство. Страны имеют свои павильоны. Есть и советский павильон, построенный архитектором Щусевым в 1912 году к открытию первой выставки. Это собственность России. Такая же собственность есть в центре Рима — дача Абамелика Лазарева, завещанная им Академии художеств. Выставка Бьеннале располагается на набережной Венеции в прекрасном парке. На выставке происходят встречи художников-искусствоведов со всего мира, где обсуждаются достижения в области изобразительного искусства. Наша страна в то время не могла и не хотела признавать авангардное течение в современном искусстве. Художники были, они работали и были всемирно известны: Кабаков, Краснопевцев, Шемякин и другие. Но официально чиновники от искусства их не выставляли на больших выставках. Поэтому на Бьеннале вывозились художники 20—30-х годов: Лентуров, Фаворский, Тышлер, Родченко, Степанова и др. Павильон наш имел успех, но в конкурсную программу как-то не подходил. Уже в 1984 году я увидел крутой международный авангард, то, что потом видел уже спустя двадцать лет. Например, в сотню работающих телевизоров вставлена сотня штыковых лопат, или абсолютно пустой зал, покрашенный золотой краской бордюр (первое место за экспозицию) и куча всяких примочек и фишек, как сейчас говорят, по-моему, никакого отношения к *изобразительному* искусству не имеющих.

В Италии я был много раз. Удивительная страна. Конечно, когда я был в первый раз, да еще сразу в Венеции, это была сказка. Спасибо Бо-

Венеция

гу. Венеция, когда подъезжаешь на поезде, открывается с вокзала во всей своей красоте. Это поразительный спектакль, где яркое солнце, яркие красные дома, купола зеленого цвета, миллионы оттенков, цвета на людях, на домах, это говор газетчиков, лоточников и канал с сотнями лодок — гондол. Праздник. Поселились рядом с вокзалом в отеле, где хозяин Марио, высокий старик, знающий русских и не раз их выручавший. Дело в том, что гостиницы в Венеции, конечно, дорогие, и наша страна, посылая в командировку соотечественника, мало заботилась о нем, двадцать долларов в день командировочные расходы на человека (понимаете, надо было из этих денег привезти подарки начальникам, детям, жене, братьям, сестрам и друзьям). Ну так вот, номер, состоящий из кровати, стула и стола, стоил от 60 до 100 долларов в день, это было для советских людей очень дорого, в гостинице останавливались известные советские художники, которым посчастливилось работать в Венеции. Это Кончаловский, Кукрыниксы, Герасимов, Налбандян и другие. И конечно, русский человек не силен в расчетах, и денег не хватало на постель, и добрый Марио за картинку прощал художникам долги. Вся гостиница была увешана картинами русских художников, и Марио гордился этой коллекцией. Так вот, мы с Володей, комиссаром выставки, одну ночь ночевали на постели вместе. Володя постарше меня, кругленький, важный очень, невысокий, прекрасно говорящий на итальянском, кличка у него была между искусствоведами Буратино, очень возмущался, что не было места ему, он в Италии был чаще, чем в России. Но на следующий день он переселился ближе к центру, к площади Сан-Марко. С Володей мы быстро поладили. Я не лез к нему с лишними расспросами, он, как мой непосредственный начальник, понимал, что́ для художника значит побывать в Венеции. Работа по развертыванию экспозиции, все дела с таможней были улажены быстро. У меня оставалось четыре полных дня для писания этюдов. Гулял по Венеции каждый день с шести утра до поздней ночи: шедевры Венеции, мосты, улочки знаменитые — и наблюдал жизнь простых людей в кварта-

Венеция

лах, куда туристы не заходят. Кушал в номере. О еде тоже расскажу. Я взял с собой по наущению опытных командировочных кипятильник, плавленые сырки, бородинский хлеб (все целую неделю не портится) и термос. Покупал виноградное вино очень дешевое и виноград. Это вся моя еда. Ну вот, прихожу я с работы, вечереет, за окном прекрасная Венеция, с ее шумом, гамом, умываюсь, раскладываю еду, наливаю себе полную кружку вина, открываю порнографический журнал (подобные журналы в таких номерах были в достатке) и говорю себе: «Ну что, Павлушенька, отдохнем?» Потом шел гулять по прекрасной Венеции.

Я на «Бьеннале ди Венеция» работал до 1998 года, побывал в Венеции в общей сложности восемь раз. Четыре раза я был в Риме. Делал

этюды по заказу МИД СССР, инспектировал совместно с Володей дачу Абамелика Лазарева на предмет сохранности картин и произведений искусства. В 1985 году я побывал в Испании, в Мадриде. Поездка была очень интересной. Все началось с самолета. Когда мы летели в самолете, было 37 человек, и они сошли в Берлине. В Берлине, попив пивка, полетели дальше, но не в Испанию, а в Португалию. Полет предстоял долгий. Нас в самолете осталось несколько человек, и все явно скучали. Мимо меня несколько раз прошелся молодой человек, держа банки пива. Лицо его светилось радостью и выражало желание с кем-нибудь поговорить. Мы разговорились. Он португалец, аспирант, защитил диссертацию у нас в университете, а теперь летел домой посмотреть на родившуюся дочь и предложил выпить пива за него. Мы выпили пива, но

Венеция

так как я все-таки русский, у меня было несколько бутылок «Посольской» водки. Так, весело разговаривая, мы выпили бутылку водки и четыре банки пива и были сильно навеселе. Мне еще предстояло в Португалии купить билет на Мадрид и благополучно сесть в самолет, в чем я сомневался. Но мой новый друг поддержал меня, он довел до вокзала, купил мне билет, показал номер бокса посадки, и, расцеловавшись, мы расстались. Я сидел на вокзале и время от времени бубнил вопросительно, когда по радио что-то объявляли по-португальски. «Мадрид?» — «Но Мадрид!» «Мадрид?» — «Но Мадрид!» И так примерно два часа. В самолете я познакомился с семьей кинорежиссеров из Аргентины, они летели в Испанию снимать фильм. У них двое взрослых детей, которые живут в Европе, ну а я рассказал о себе и о своей семье. В аэропорту Мадрида мы тепло расстались. Я уже к тому времени чувствовал себя хорошо и совсем протрезвел, когда на таможне не оказалось моих вещей. Передо мной извинились, описали вид багажа и сказали: если не найдут в течение трех дней, мне от фирмы будет положено возмещение убытка в виде тысячи долларов. Втихонечку я мечтал, чтобы мой багаж не нашли.

В Мадриде меня встретил пожилой человек, Хосе Марио Браво. Мы обнялись, он еще недавно преподавал испанский язык в университете в Москве и прекрасно владел русским. Очень интересна судьба этого человека. Когда Хосе был молодым, он вступил в ряды республиканской партии и воевал против Франко. За это его отец проклял и сказал, что ничего в наследство он не получит. Когда республиканцы потерпели поражение, Хосе перебрался в Советский Союз, где закончил летную школу и стал военным летчиком. Когда началась война против Германии, Хосе храбро сражался на стороне СССР под какой-то татарской фамилией (немцы испанцев из СССР в плен не брали, а расстреливали на месте). Затем Хосе Марио Браво был сопровождающим истребителем самолета, где летал Сталин. Когда война кончилась, он стал преподавать в МГУ, завел семью и жил в Москве до того времени, когда Фран-

ко разрешил всем ветеранам со всего мира вернуться в Испанию с восстановлением всех прав и пенсии такой же, как и у пенсионеров, которые воевали на стороне Франко. Мне было забавно наблюдать в центре Мадрида два кафе: в одном сидят франкисты, а рядом кафе, где сидят старички из республиканцев. Проходя мимо друг друга, они что-то бубнили, иногда плевались, но никогда не видел рукоприкладства. Ну так вот, Хосе меня встретил и предложил показать вечерний Мадрид. Но перед этим мы зашли в кафе и выпили по кувшинчику вина. Марио уже был хорош. Я его спросил, как он поведет машину, на что он ответил, что, во-первых, он не пьян вообще, во-вторых, он бывший военный бравый летчик. А в-третьих, половина мадридских водителей сами в таком состоянии. Мы помчались. Временами мне казалось, что Хосе сидит за штурвалом самолета, но всегда вовремя и точно он останавливался там, где надо. Экскурсия по вечернему Мадриду удалась. Испанцы — щедрый народ. Если итальянцы прижимистые, немцы расчетливые, то испанцы щедрые и гордые, как грузины. А русские, как известно, самый расточительный, самый мало уважающий себя народ. Мы можем подарить огромную банку икры и дорогущую водку или огромный фолиант об искусстве первому попавшемуся встречному иностранцу, взамен получив недоуменную улыбку, и больше ничего, или, самое большое, бумажный флажок или значок. И это правильно. Встреча людей предполагает интересный разговор на равных условиях: я сыт, хорошо одет, ни в чем не нуждаюсь, мне интересен собеседник, его взгляды на жизнь, его мнение. И никакой зависимости от другого собеседника. Ничего личного. Ну а мы? Например, по приглашению идем в гости к итальянскому миллионеру, владельцу нескольких ремонтных фирм. Ему преподносится полукилограммовая банка черной икры, литровая бутыль армянского коньяка и толстенная книга о шедеврах мировой живописи. Русский подарок. Нас приглашают во дворец, затем за стол на первом этаже с видом на венецианский канал. Подают спагетти и пасту. При этом восторженно бесконечно произносят: «О, спагетти! О, спагетти!» Господи,

Париж. Сите

это же макароны с подливкой! Затем нарезается машинкой ветчина — опять море восторга: «О, ветчина! О, ветчина!» А ветчина порезана так тонко, что сквозь нее виден весь город. Еще на столе несколько бутылок кислющего вина. Хозяин им тоже очень гордится, его бесплатно теща из своих подвалов привезла. Икорка наша незаметно куда-то исчезла, коньячок тоже. Вот тебе гостеприимство по-итальянски. Но все это чепуха. Мне очень повезло на этом свете. Работа в комбинате живописного искусства дала мне возможность много поездить по стране. Я видел вечную мерзлоту, нетронутую тундру, где гриб подберезовик выше самой березы. Я видел недалеко от острова Мудьюг в Архангельской области

тысячи лебедей. Я спускался в шахту на глубину 700 метров и ощущал нутро земли. Доводилось побывать и на космодроме в г. Ленинске. Однажды мне поступил заказ написать картины «Пейзажи на реке Чульман», это в Якутии. Меня высадили на вертолете в красивейшем месте: синие скалы, покрытые золотом лиственницы и шуршание воды о камни. Кругом сопки, скалы и река, и никого. Я раскрыл этюдник, стал писать и влез в работу. Когда в работу влезаю, то не слышу ничего. Пишу — и вижу: идет пожилая женщина с лукошком грибов вдоль реки. Подошла, поздоровалась, поинтересовалась, что я делаю. Затем мне и говорит: почему я один, без ружья, без сопровождения?— и рассказала, что бук-

Париж

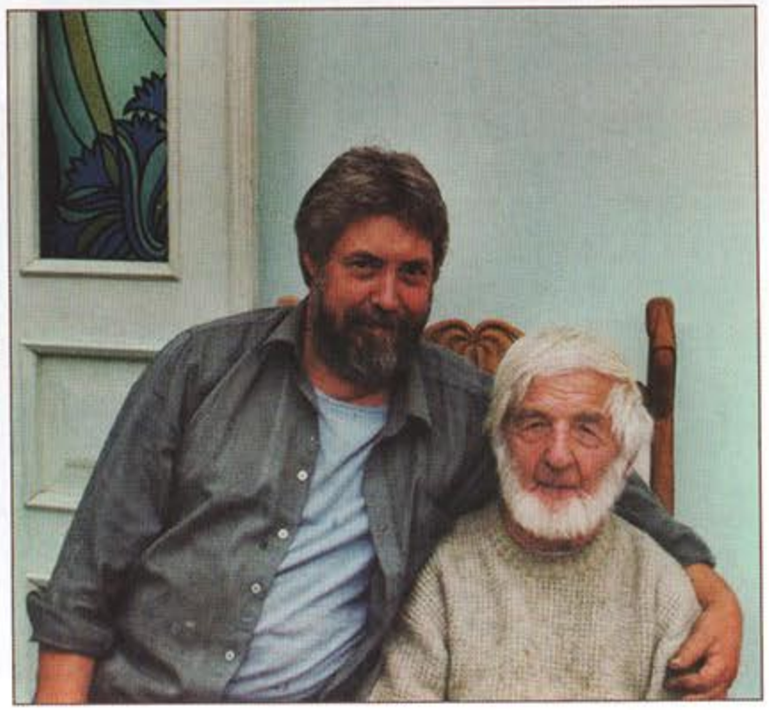
вально несколько дней назад медведь кого-то задрал. Сказав это, она ушла. Мое праздничное настроение как-то поугасло, стало страшновато, а до вертолета еще три часа. Кое-как написав два этюда, я пугливо посматривал по сторонам, любой треск сучка вызывал у меня нервное напряжение. Ребята-художники затем говорили, что получились хорошие этюды.

Однажды после майских праздников в 1989 году меня вызвал к себе директор комбината и сказал: «Завтра летишь в Париж. Все узнаешь завтра в аэропорту. Летите вдвоем, потом познакомитесь. Иди собирайся!» Ничего себе, завтра в Париж! Подпрыгнув от радости до потолка, стал рассуждать: что за срочность, что за секретность, как это можно лететь в Париж завтра? Без оформления визы, прохождения обязательной районной комиссии стариков, без прохождения медицинской комиссии? Оказывается, бывает и можно, когда очень надо... Утром министерские работники в аэропорту вручили все документы, и я познакомился с другим членом делегации. Это был доктор искусствоведения, профессор Глеб Поспелов. В самолете он мне объяснил цель столь срочного отлета. Мы едем забирать наследие известных художников Н. Гончаровой и М. Ларионова, недавно умерших в Париже. Уже в посольстве мне объяснили мою задачу: подготовить часть собрания работ к вывозу в вализах (вализа — секретный посольский мешок, не подлежащий осмотру таможни). Другая часть наследства — строго по списку французской стороны. И третье — это попытаться в ящиках с официально разрешенными к вывозу предметами провезти как можно больше предметов, не зарегистрированных в таможне, дирекции музеев Франции. Известно, что наши делегации, привозившие и вывозившие свои произведения, никогда не нарушали таможенных правил. И иногда таможенники других стран, особенно европейских, подписывали документы, не досматривая ящиков с произведениями искусства из России. Вот этим хотели воспользоваться министерские чиновники из Минкультуры СССР. Я быстро сообразил: если все пройдет хорошо, то все молодцы. Ну а если фран-

цузы досмотрят ящики и обнаружат необъявленные произведения, виноват упаковщик. Объявят о незаконном вывозе русских шедевров. Ну а последствия для меня были бы самыми плачевными. Я отказался упаковывать не оформленные официально работы и сказал, что буду оформлять строго по списку французов. Чиновник Минкультуры наорал на меня: «Ты что, приехал гулять в Париж?! Делай, что тебе говорят, иначе в Москве будешь наказан». Я не испугался. В то время в стране начинался и бурно развивался бардак, бесхозяйственность. Бурно развивались беспорядки и в комбинате, началась дележка государственного имущества, и я собирался уходить на свободную творческую работу, оставив работу реставратора. В Париже желание мое укрепилось, и я сказал об этом чиновнику и подтвердил мое твердое решение по работе. Тогда ко мне подошли с другой стороны, ласково предлагая высокую должность в министерстве, говорили о патриотизме, что ящики проверяться не будут. Я еще раз твердо подтвердил, что все делать буду по закону. И вот наступил день, когда ящики с предметами искусства были подготовлены к отправке в Москву. В посольство пришла делегация из Министерства культуры, представители музеев Парижа, адвокат, ведущий дело о наследии Ларионова и Гончаровой. С улыбкой Мефистофеля адвокат попросил вскрыть все упакованные ящики. Я ликовал: все было упаковано согласно официальным спискам, разрешенным французами к вывозу. Я посмотрел в сторону чиновника из Минкультуры, его рожа из красной превратилась в довольную крысиную морду. Он подошел ко мне, поздравил меня и сказал: за то, что я проявил твердость, честность и компетентность в работе, я буду награжден и отмечен. Я ему сказал по прилете в Москву, что увольняюсь из комбината им. Вучетича Минкультуры и ухожу на творческую работу. После этого меня вызвали в министерство, где предложили должность одного из экспертов по изобразительному искусству. Я отказался и объявил, что уже написал заявление об уходе. И вот в 1989 году я стал свободным художником, нигде не служащим, и зарабатывал только творческим трудом. Ну а как же Париж? Кольцо

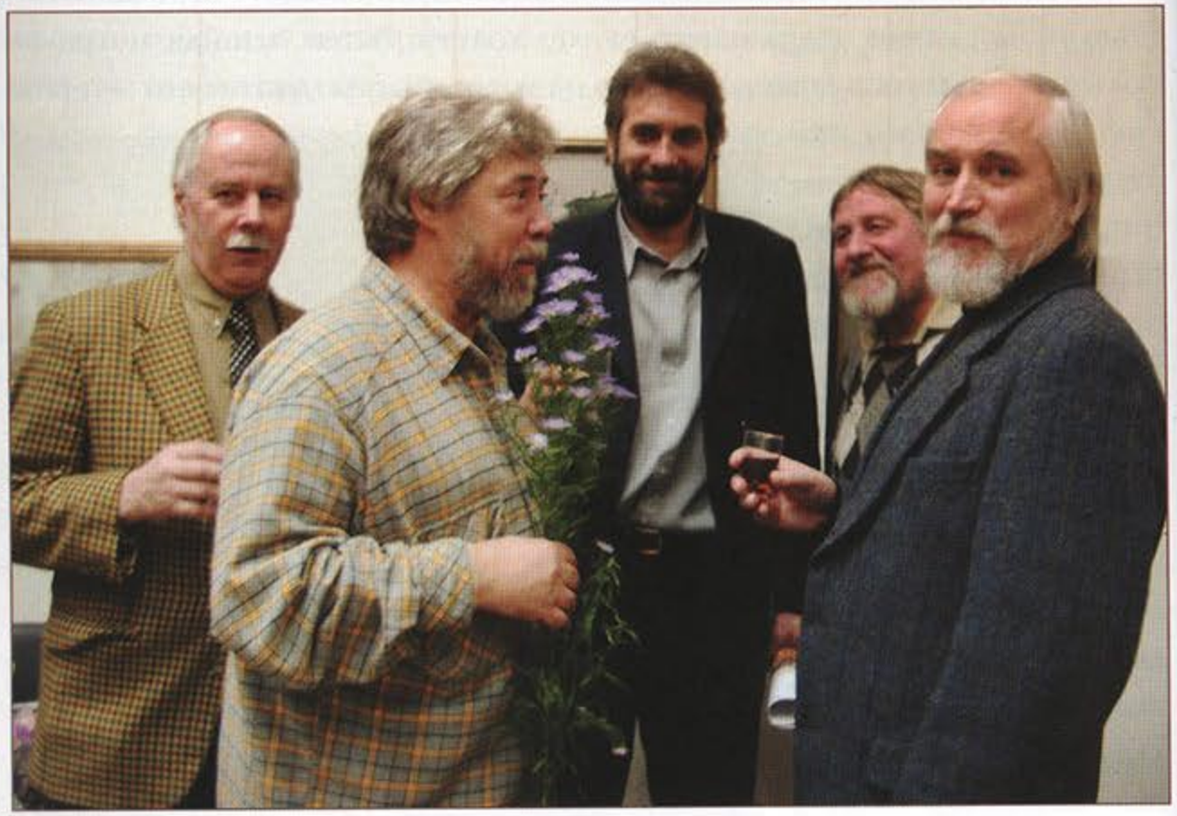
больших бульваров я обошел, как-то утром начав и вечером закончив, придя в гостиницу на площади Виктора Гюго без ног, но счастливый. Впереди меня ждала встреча с Парижем, более длительная и интересная.

Освободившись от служебных дел, я пустился пользоваться тогда многочисленными творческими дачами — «Академическая», «Гурзуф», «Хоста» и т.д. На Академичке я познакомился с липецким художником В. Сорокиным, он был намного старше меня, 1912 года рождения. Он был улыбчивый, с хитрецой, с пронзительным взглядом маленьких, в щелочку, глаз. Нелюдимый человек. Но как он видел! Лучше его, по моему мнению, никто не писал. Именно писал, а не раскрашивал. На этюдах он был нелюдим, и постоять посмотреть, как он работает, было невозможно. Но однажды в д. Дубровицы, что на Академической даче, я увидел невысокого старика, страстно жестикулирующего огромной кистью и энергично ударяющего ею по холсту. Затем, отойдя метра на полтора, посмотрев довольно долго на холст, быстро хватал его и тер об снег. Затем снова, поставив работу на этюдник, энергично махал огромной метлой-кистью. Чтобы не испортить его дело, не спугнуть художника, я попятился и ушел. Так я увидел, как работает великий мастер Виктор Сорокин. Однажды мне пришлось поспорить с другим народным художником. Я находился на р. Мсте и писал. День был весен-



Мой учитель В. Сорокин

ний, солнечный, радостный. Писал березы, и тень на снегу, и темную воду реки. Ко мне подошел немолодой, красивый, не спешащий, явно местный художник. Он мне сделал замечание, что тень написана не с той стороны. Я его попросил сказать «раз». Он недоуменно посмотрел, но сказал: «Раз». Затем я его попросил сказать «два». Он уже раздраженно сказал: «Два!» Чтобы дальше не нервировать, пришлось сказать этому народному художнику, что, пока он говорил «раз» и «два», солнце повернулось, и тени сдвинулись, и цвет поменялся, и если бы я гонялся за точностью расположения теней, я бы ничего не успел написать. Следовательно, картина моя — это условность, я радуюсь, я вижу эту радость, и я обязан передать эту радость зрителю. Зритель не будет считать количество теней, не будет считать количество ветвей и стволов.

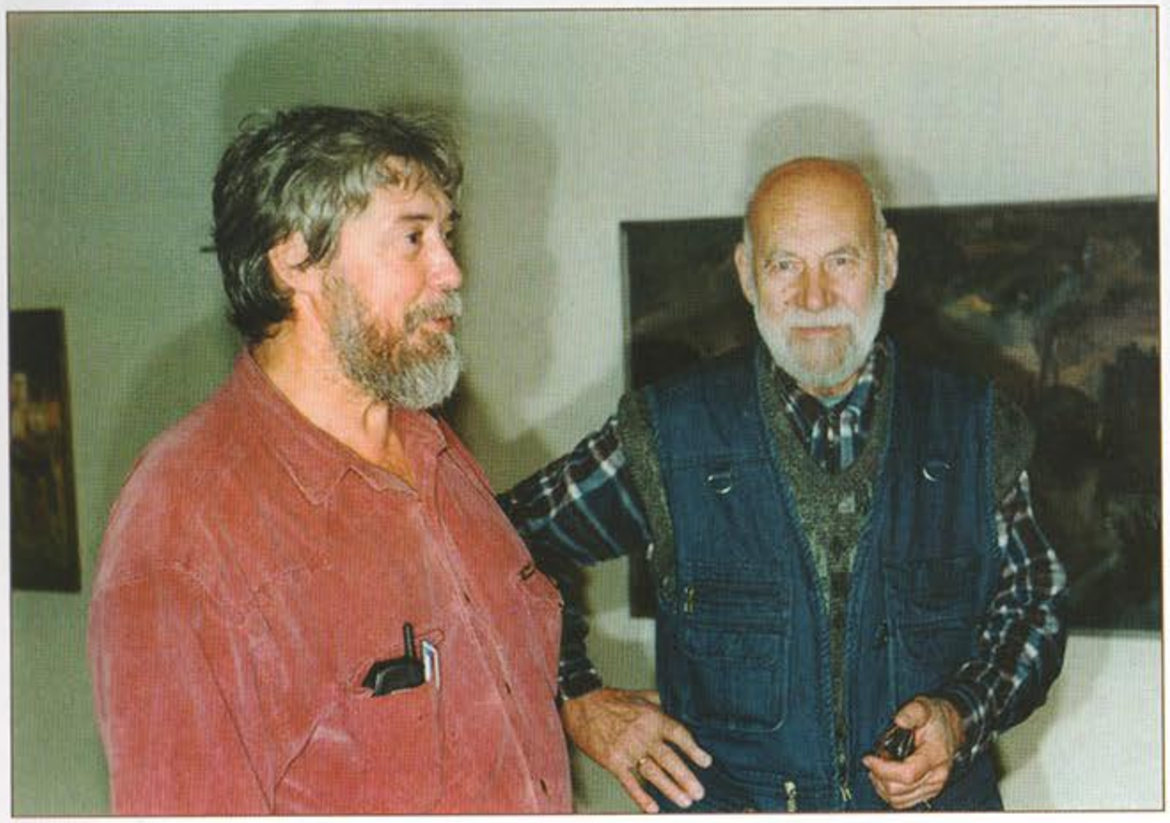


Мои друзья

На выставке

Он не должен их просто видеть отдельно. Он видит радость, и если видит, значит, художник работу свою выполнил. Мы при этом не говорим о стиле, направлении и манере исполнения. Мой оппонент презрительно, снисходительно посмотрел на меня и тихо удалился. Хочется немножко поговорить о нашем Союзе художников. Вот Дом творчества, Академическая дача (бывшая дача И. Е. Репина). Время обеда. Большая светлая столовая, много столов, а поперек стоит длинный стол. Вот потянулись художники. Кто идет улыбается (видно, работа удалась), кто-то идет хмуро, вытирая цветные руки тряпкой, явно только что писал, но что-то не сходится. А вот идут два дружка и громко разговаривают, видно, уже успели пропустить по рюмочке. Рассаживается творческий народ по своим местам кушать, длинный стол пуст, начальство где-то за-

держивается. Люди уже доедают щи, как вдруг двери распахиваются и входит начальство — народные, заслуженные. Зал затихает. Некоторые художники, особенно из провинции, подобострастно встают, слегка наклонясь, дожевывая кусок мяса. Высокий начальник-художник снисходительно дирижирует: «Сидите, сидите». Снова все зашумели, обед продолжается. Однажды при такой же ситуации я не выдержал и, когда художники-начальники входили в зал, крикнул: «Встать! Смирно!» И художники все встали. Меня вызвали в администрацию, сказали, что выгоняют с дачи. За меня тогда заступился ленинградский художник Н. Х. Загонек, благородный, интеллигентный, высокий старик. Мне разрешили остаться до конца срока. Но я уехал. Жить в казарме не хотелось. Была еще прекрасная творческая дача «Гурзуф». Дача, где писа-



Мой друг и учитель Б.В. Лушников

На выставке

ли художники, любящие цвет, лучшая дача того времени, очень демократичная дача, где витал дух К. Коровина, Ф. Шаляпина, А. Чехова. Гурзуф — жемчужина Крыма. На эту дачу съезжались художники со всего Советского Союза. Руководили потоками известные художники М. Бирштейн, В. Дрезнина, К. Максимов, Д. Мочальский, художники, прекрасно владеющие цветом, мастера. Я был однажды в потоке, где руководителем был М. Бирштейн. Он никому не мешал работать и жить в этом раю. Поток длился два месяца. Два месяца счастья на полном обеспечении Фонда СХ СССР. В группе были люди разных возрастов, мужчины и женщины. Кто-то работал с натуры, бродя с этюдником, а кто-то в мастерской. Помню нескольких молодых художников, которые целыми днями болтались на море, а работали ночью. Когда кончилось время

блаженства и пришло время делать отчетную выставку, каждый художник выставил серию своих работ. Один из молодых людей, которые работали ночью, выставил большую картину под названием «Голод». На желтом фоне сидит черный человек, он обнажен, и у него стоит огромный член, а перед ним пустая тарелка. Картина, повторяю, называлась «Голод». Вот комиссия обошла ряды выставочных картин, где-то одобряя, где-то не очень, но все-таки принимая труды. Перед «Голодом» обомлела. Макс Авадьевич Бирштейн, очень уважаемый и очень пожилой художник с демократическим взглядом на искусство, спросил автора, почему эту картину он назвал «Голод». На что молодой автор ответил, что негр очень хочет кушать и от страшного голода у него возникла эрекция. Макс Авадьевич, эта душка, любимец женщин и знавший в них толк, этот раскрепощенный демократ рассвирепел. И сказал только: «Ты знаешь, что такое голод? Нет?! Я знаю! От голода ничто не может встать. Не знаешь — не пиши!» Сказав это, посмотрев как сквозь стену на это юное дарование, он вышел. Очень пожилой художник знал, что говорил.

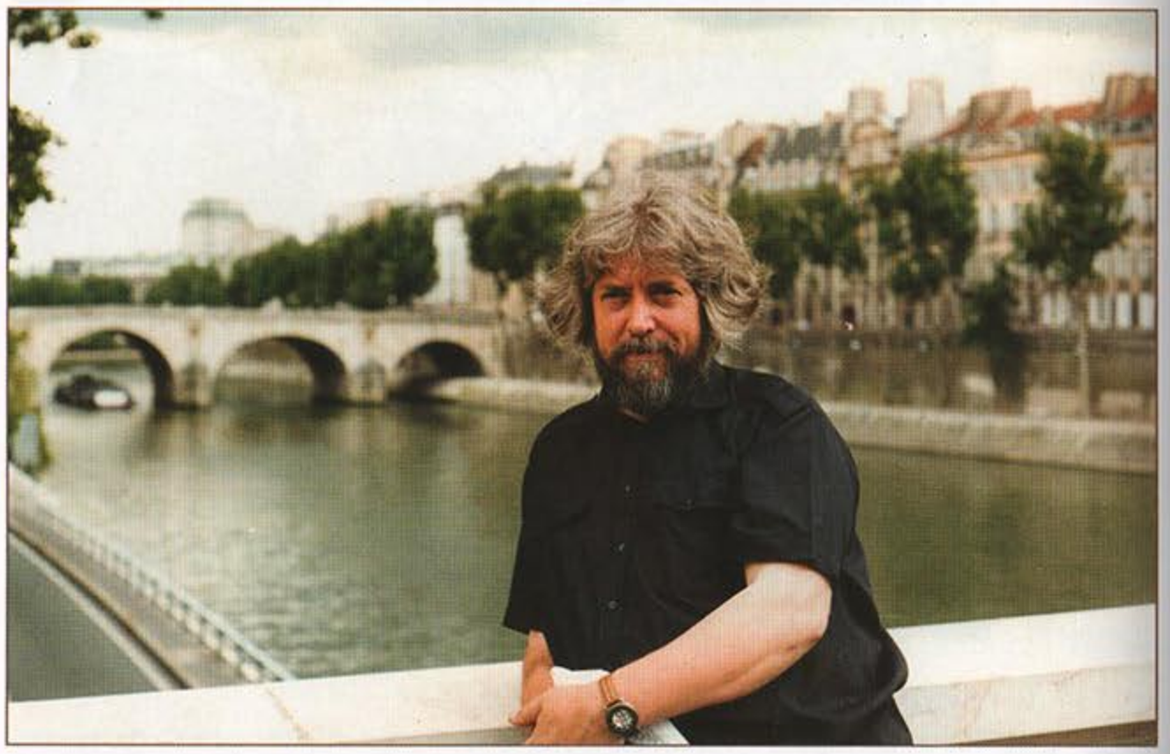
В 1993 году состоялась моя первая длительная поездка за рубеж — на Кипр. Целый месяц в обмен на картины мы с женой и сыном Гришей наслаждались ласковым морем. Я писал этюды, портреты греков. Затем целая серия поездок в Анталию (Турция) по приглашению турецкого правительства, были устроены выставки вначале в Стамбуле, Анкаре, затем в Москве. В 1997 году состоялась вторая поездка во Францию, в Париж. Я был приглашен в мастерские на стажировку в городе искусств в Париже «Ситэ дез Арт». Целых два месяца я наслаждался запахом Сены, лазал по лестнице на Монмартр, писал там улочки Парижа. Сидел в кафе, пил кофе со знаменитой булкой — багетом. Многочисленные встречи с художниками, музыкантами и просто с французами.

Монмартр

Вы были в Париже? Так вот, первое, что с вами происходит, когда вы улыбаетесь и любуетесь цветущими каштанами и глициниями и голос Монтана звучит у вас в ушах, вдруг — откуда этот противный специфический запах? Правильно! Вы наступили на собачье дерьмо. Ни один гость Парижа не обошел этой участи. Начинаешь ругаться: ну неужели на цветущем бульваре нельзя убрать? Нельзя.

ПАРИЖ И СОБАКИ

Парижане очень любят собак. Это как коровы в Дели. Собаки ходят в кафе, в рестораны, утром читают газеты вместе с хозяином, играют в карты и домино в скверах и парках, обнимаются и целуются вместе с хозяевами. Кругом висят знаки: запрещено входить хозяину без собак. Однажды мне захотелось сфотографировать очень живописного клошара. Он был с собакой. Она бросилась на меня, защищая честь и достоинство хозяина.



Париж. 1997 г.

Утром наблюдаю такую картину. Я жил в «Ситэ дез Арт» на последнем этаже в мастерской в центре Парижа. Выходит пожилая дама, одетая безукоризненно, на руках спящий песик. Она его песенкой, раскачивая, будит. Песик лежит у нее на руках и спит. Дамочка начинает его убеждать, что ей пора идти на работу, и ставит его на асфальт. Песик враскоряку стоит, ножки качаются, глаза закрыты и никуда по своим делам не хочет идти. Дамочка слегка сердится, начинает журить собачку, но она как стоя спала, так и спит. Вздохнув, женщина поцеловала псинку в нос и нежно на руках отнесла наверх. Так что в Париже к собакам особое отношение. А зеленые пылесосы-мотоциклы ездят и убирают за нашими друзьями. Да только парижане собак очень любят, и они кушают хорошо и много...

Неспешные прогулки по Латинскому, Еврейскому кварталам и, конечно, набережные с саксофонистами, бомжами, наркоманами, просто

пьяницами, сидящими на набережных и тянущими кислое вино. Однажды мы, художники (нас было трое мужчин и одна женщина), решили попьянствовать на набережной прямо напротив мэрии, купив фруктов, колбасы, грейпфрутов, вина и спирта в аптеке (в аптеке русских узнают и продают спирт без ограничений), взяв с собой скатерку. Мы пошли устраиваться на пикник. Решили перейти два моста и недалеко от мэрии на набережной расстелились. Рядом было еще несколько пар, семей французов, точно так же отдыхающих на набережной. Никто их не трогал и не гонял. Я тут же представил: Москва, Кремль, неподалеку мы расстелили скатерку и сидим, пьем вино. Десятки омоновцев бьют тебя по голове и запихивают в автобус. Невозможно даже представить, как это страшно. Пока мы сидели и вкусно кушали, пили вино, пели песни, ни один ажан к нам не подошел. Это было приятно. А еще было грустно: ну почему у нас это невозможно? Почему я боюсь милиционеров? Мне 60 лет, а я их боюсь. Их тупости, разнузданности, неряшливости и грубости. «Эй, мужик, предъяви паспорт!» — ко мне вразвалку подходит молодой сержантик милиционер в нечищеных растоптанных сапогах, в немыслимой серой форме, разработанной фирмой великого В. Зайцева. Ну почему в нашей стране хамство неискоренимо? А там аккуратнейший полицейский, все блестит, сияет, рубашка белая кипельная. И никто никогда не подходит, если ведешь себя в рамках закона. Я сознательно не пишу о своих впечатлениях и восторгах в поездках в различные страны, о туристической красоте этих стран. Мое восхищение остается при мне. Свои впечатления только на картинах.

Елец

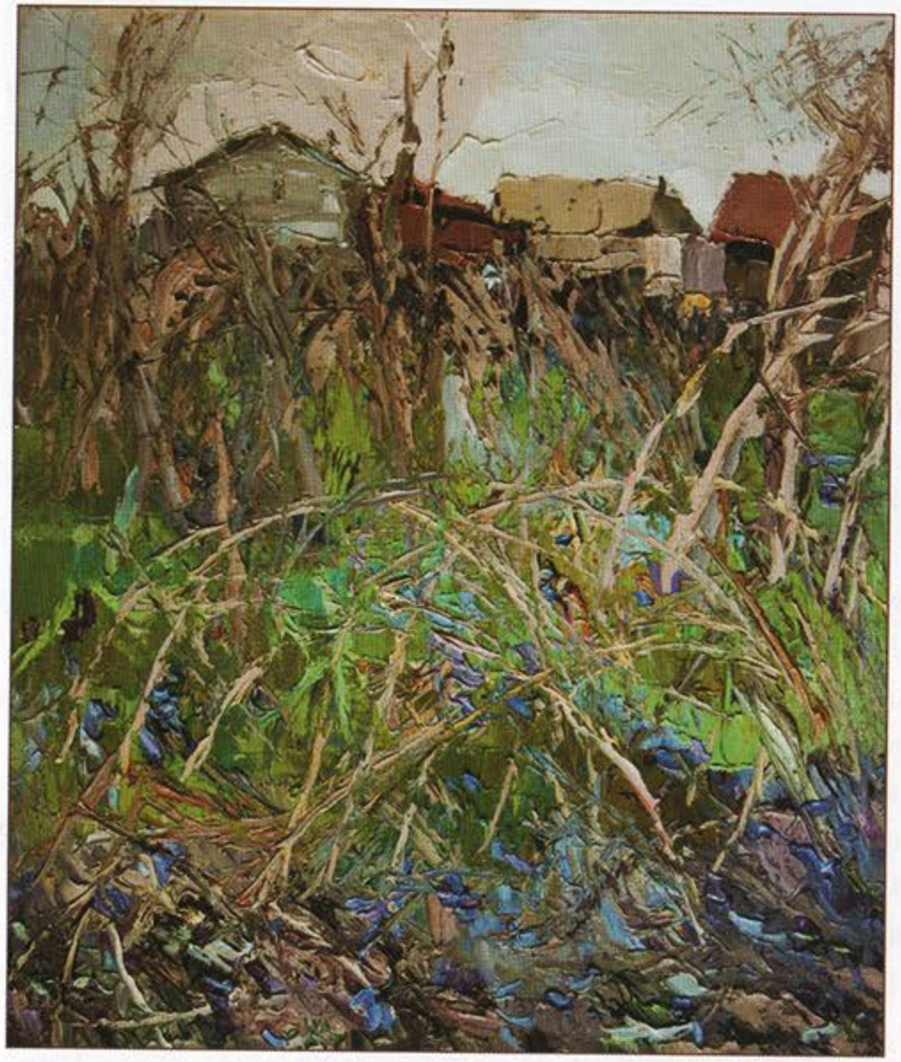
Мне предложили ранней весной съездить и посмотреть Елец. Ну, городок так себе, немного, правда, старше Москвы, много разрушенных церквей, и когда я спросил, сколько же тут были немцы и что они натворили, оказалось, церкви порушила Советская власть, и рушила до 70-х годов, еще начальники, кто рушил, живы. И немцы не успели нанести городу большой урон. Город скоро освобо-

ВСТРЕЧА С ЕЛЬЦОМ

дили русские войска. В первый свой приезд город я не рассмотрел, людей тоже, ну и впечатления остались небольшие. Затем я приехал в Елец зимой, и город оказался волшебным, из очень доброй сказки. На улицах деревянные купеческие дома, всех цветов радуги крылечки в чугунных резных подзорах. Город оказался знаменит кружевами, и эти кружева я увидел в чугунном литье балконов. По улице ходили крепкие хитрые мужики и очень красивые женщины, довольно стройные и высокие, со

здоровым румянцем. А на рынке чего только нет, а главное — торговцы. Как расхваливают свой товар! Какие веселые, задорные! Нет еще нежданых смуглых хозяев, все скупающих за бесценок и продающих втридорога. Нет этих годами стоящих несвежих торговок, нанятых новыми хозяевами. Всего пятнадцать лет назад город утопал в зелени, огромные вековые деревья украшали и создавали тень в парках и скверах, кругом цветы. Разноцветные домики утопали в садах. Быстро текла река Сосна, люди отдыхали после трудов на песочке. В магазинах все продукты высочайшего качества, все вкусно и красиво, множество творческих коллективов, везде слышна елецкая гармошка. В пять утра дворники подметали, а машины мыли улицы. Жить в таком городе после шумной, бестолковой Москвы просто было праздником. И вот по приглашению Евгения Павловича Крикунова я стал жить в его роскошном доме на ул. Маяковского. Это одновременно был выставочный зал и квартира с резной мебелью. Радушие хозяина потрясло меня. Все пожелания художника выполнялись с лучезарной улыбкой, мгновенно. Затем я перебрался жить в дом, где останавливался В. Сорокин, мастер, великий живописец. Это уже был не дворец, но условия для работы были хорошие. В Москву я стал ездить все реже и реже.

В Ельце появились новые друзья: Игорь Колодко, много мне помогавший, и тогда был мой лучший бескорыстный друг. Он другом остался и сейчас, но мы не встречаемся, житейские обстоятельства... Он очень мне помог в устройстве первой персональной выставки в Центральном доме художников в Москве. Тамара Степановна, участница войны, — образец русской честной женщины. Виктор Окорочков, Юра Ширяев — талантливейший поэт, Коля Белоусов — целая страница моей истории жизни в Ельце, и, конечно, Евгений Крикунов. Патриот Ельца, меценат города, широчайшей души человек, много помогающий людям в трудностях, прекрасный слушатель, быстро все схватывающий на лету, но абсолютно нетерпим, если его не понимают. Благодаря Е. П. Крикунову в городе появилось три памятника: И. Бунину, В. Розанову,



Елец

Елецкому пехотному полку. Город удивительно красив со стороны реки Сосны. В последнее время он стал неухоженный, грязный. Власти переругались из-за власти, некому наводить в городе порядок. Спилили могучие вековые деревья, вместо них сажают тонюсенькие саженцы, которые подрастающие вандалы тут же ломают. Улицы грязные, в рытвинах и ухабах, пыль на домах давно не мылась. Из красивейшего, когда-то цветущего города Елец превращается в грязнейший провинциальный городок. Не сказать, что в Ельце живут бедные жители. Трехэтаж-

ные особняки повсюду. Нашел же городок деньги на установку современного танка и самолета при въезде в город. Но кроме смехотворных, жидко посаженных цветочков, вы не найдете в парках клумб, оформленных дизайнерами. Кстати, университет их готовит. В городе нет кафе, где можно посидеть за чашечкой кофе или чаю. Были, сейчас нет. Сплошные магазины. Все хотят много денег и сразу. Будем надеяться, что город восстановится и приобретет былую славу тихого, зеленого, разноцветного, так любимого художниками города.

Не рубите дерева, не рубите,
Не губите вы Елец, не губите.
Ведь красивей нет Ельца,
Говорят вам без конца:
Не рубите!

Не дождаться зеленей раньше срока,
Палки тощие сажать мало прока,
С дорогого всем Ельца
Не сдирайте вы лица
Ради Бога!

Сентябрь

Апельсин в молоке, над рекою туман,
Пахнет мокрой росой и грибами.
Между яблонь в саду, перламутром звеня,
На серебряных струнах играя,
Паук сети плетет.

Апрель

Вся земля — хрустальное стекло,
Синим колокольчиком звенит.
В небо я смотрю и утонул
В чувствах ликования весной.

Юрьево

Среди дождливых листьев в тишине
Здесь, в Юрьево, пишу Венецию и солнце.
Кот Барсик, друг, совсем уснул,
Уткнувшись в угол на оконце.

Юрьево

В сорока километрах от Ельца в сторону Задонска стоит село Юрьево, бывшее большое казацкое село. Село раскинулось вольготно вдоль Дона, дома кирпичные, стоят свободно друг от друга. Однажды мы с елецким другом Игорем Колодко после заезда в Задонск и знакомства с начальником местного РОНО Алексеем поехали к нему на дачу. Это было осенью, когда все цветет осенним цветом.

ЮРЬЕВО

По дорожке прихватили выпить и закусить, как водится. И вот машина остановилась возле волшебного пейзажа. Стоит дом, все в цветах, рядом маленький прудишка, вокруг растут двухсотлетние груши, внизу протекает Дон, а на другой стороне сосновый бор, уходящая в березы дорога, а на самом горизонте видны купола Задонска. Стояла осенняя тишина. Моему счастью не было предела. Друзья радовались моему восторгу, посмеивались и жарили котлеты. Я вскричал: «Вот бы мне та-

кую дачу! Ближайший сосед в ста метрах: ничто не мешает быть одному с самим собой наедине. Работать, думать, наслаждаясь природой и тишиной!» За приятным мужским разговором я попросил ребят подыскать мне желательно такую же дачу. Зиму я прожил в Ельце, и как-то мне позвонил начальник управления образования г. Задонска Алексей и предложил мне встретиться утром рано у автобусной станции, чтобы поехать и посмотреть дачу. Была русская зима, на востоке розовело небо, синий иней на деревьях превращался постепенно в золотой, а тени из темно-синих превращались в голубые. Достаточно промерзнув, начал про себя ворчать: я не люблю опаздывать и не люблю, когда опаздывают. Ну, наконец появился дребезжащий «козел» начальника управления образования, и мы двинулись в путь. Каково было мое удивление,

Волшебный пейзаж

когда мы въехали в Юрьево и по мере приближения к даче Алексея я начал понимать ситуацию. Дело в том, что старшая дочь Алексея выходила замуж; как всегда, денег на жилье молодым не хватало, вот и решил продать дачу. Зайдя внутрь дома, я оказался в деревянных сенцах, а затем в комнате, целиком обитой деревом. На окнах наличники такие же, из дерева. Комната жарко натоплена, в углу стояла небольшая печь, которую, видно, топили всю ночь. Было утро, окна покрыты инеем. Иней искрился, и красное солнце освещало угол резного деревянного наличника. Приняли водочки, потом вторую рюмочку, и, закусив домашними котлетами, мне начали показывать дом, показывая выгодные места и закрывая собой те места, которые они не хотели показывать. И все время упирали на красивое место — на деревянные наличники. Я спросил про пол и хотел станцевать, меня остановили, сказав, что еще рано. Шло постоянное выпивание водки и закуска. Наконец я спросил, сколько они хотят. А хотели они столько, что потом смеялся надо мной весь Задонск, все села вокруг. Я купил дом, у которого были гнилые полы, полуобвалившаяся стена, но замечательный вид. Я купил вид и ни секунды не жалею даже сейчас, после прошествия стольких лет. На даче я построил летнюю мастерскую, где писал цветы, пейзажи, портреты, Венецию, море, Францию, Москву. Полная тишина создает благоприятную атмосферу для творчества. Хорошие соседи помогают, чем могут, мне обустроить сельский быт. Атаман Александр Георгиевич записал меня в казаки, и мне присвоили чин и звание есаула, а должность моя — зам. атамана округа по международным отношениям. Соседка Ольга — философ, учит, как правильно жить в деревне, что сажать, в какое время, и не раз выручала меня то огурцами, то яйцами. Сперва, когда писал картины, им было непонятно, что за мазню я стряпаю. Сейчас они дружно критикуют, иногда я с ними соглашаюсь. В конце сезона я устраиваю просмотр картин для них, а когда я уезжаю в Москву, переживают и желают самого лучшего, а зимой присматривают за моим хозяйством, чтоб не воровали. Воруют в деревне нещадно, вплоть до рам. Когда это

Экологически чистый продукт

кончится? Сегодня село Юрьево состоит в основе из приезжих из Ленинграда, Москвы, Томска, Казахстана, много дачников из Липецка и Ельца. Народ разный: от ученых до спившихся лодырей. Земля здесь прекрасная, чернозем. Если не лениться — можно прокормиться. А соловьи, а тишина на десять верст?! Ни одного завода или фабрики. Экологическая курортная зона. Когда ко мне приезжают гости из Москвы, они двое суток спят, не просыпаясь. В общем, хорошо иметь домик и мастерскую в деревне.

Как-то пять лет назад сосед мой Александр Георгиевич в пригоршне принес рыжий комочек и говорит: «Борисыч, возьми, в доме должен быть кот». Я спросил его, где он его взял, он сказал, в деревне Алисово. Рыжий котенок за 10 копеек перекочевал жить ко мне. Я тогда жил в деревне один, поговорить было не с кем, вот и стал Барсик мне дружком. На краски он вставал и ходил. Ходил по палитре,

ПРО БАРСИКА

я ему не мешал. Он сам быстро понял, что краски хоть и красивые, да не вкусные. Спал он у меня на плече, когда я писал, мне это не мешало, а ему было тепло. Сейчас это огромный рыжий огненно-красный кот с нордическим характером. Однажды в силу жизненных обстоятельств мне пришлось уехать надолго, и я попросил своего друга Николая Ивановича на время устроить кота, и кот был устроен в частном хорошем доме отца Николая Ивановича, у Ивана Петровича. Тот был искренне

рад. Я сказал Барсику «до свидания», велел ему вести себя хорошо и уехал в Москву. В ту же ночь Барсик сбежал от дяди Вани. И когда я приехал из Москвы, он мне сказал, что Барсик сбежал. Мы все горевали. Прошло дней пять, и вдруг мне звонит Иван Петрович и радостно сообщает:

Я с братом Игорем

Барсик

«Барсик вернулся!» Ночью, часа в три, когда в доме все спали, раздался звон разбитого стекла и в форточку влетел грязный, измученный Барсик. Дядя Ваня очень обрадовался, отмыл его, посушил, накормил, и он больше от него не убегал. Со мной Барсик долго не хотел знаться. Проходил мимо меня, не здороваясь и не замечая. Он думал, что я его предал как друг. Но тогда обстоятельства не позволяли его иметь рядом. Сейчас мы снова вместе, и я думаю, что не предам его. Он друг, а друзей не предают.

— Маш, попробуй пирожок, из Ельца привез. Вот тебе и селедочка, да и колбаска вроде неплохая...

— Ну уж, зачем? У нас у самих все есть. Давеча сходила в магазин, усе купила.

— Ну возьми, пожалуйста, это тебе подарок.

СОСЕДКА

— Вот и я тут все время глядела за вашим домом. С четырех сторон лезли. Дарлык и Шиндырь приходили ко мне за самогоном, я не дала. Так они и лезли. Хорошо Мундштук залаял. Я ходила, смотрела.

— Ой, спасибо, Маш!

— Да каж, суседи все-таки.

Дородная, крепко стоящая женщина с узкими мелкими серыми глазами, с крепко сжатыми губами, вечно в платке, руки в боки, твердо стоит на пороге соседского дома. Мимо не пройдет никто, ни одна новость не пролетит мимо ушей моей соседки. Хозяйка хорошая, картошка самая первая у нее, смородина самая обильная у нее, дом самый красивый у нее.

— Маш, как пирожок-то, вкусный?

— Не, так себе. Вот если я спеку — это будет пирожок...

— А колбаса?

— Вот съела кусочек, что-то бок разболелся. Котам отдала.

— Что так? А селедочка? Вроде бы из Москвы привезли, старались...

— Ну что селедочка? Соленая, у нас в сельпо такая же.

— Маш, вот скажи, о чем ты больше всего мечтаешь?

— О Господи, ничего мне не надо. Надоело все. Помереть хочу.

— Да ладно тебе, ты еще молодая. Вот днем поработаешь, вечером телевизор посмотришь или книжку почитаешь...

— Что я, дура, книги читать?! А мечтаю я... — На лице появляется мечтательная улыбка, и тихо-тихо она произносит: — Мне бы двух поросеночков!

Жужу

Выходишь на остановке д. Юрьево — и красота. Прямо перед зрителем открывается величественная панорама. Груда облаков всевозможной формы и очень теплого цвета — будто топленое молоко с оттенком полуувядшей розы. Горизонт холмов, покрытых сплошными лесами, вьется Дон — издалека медленный и светлый. И вот дома, усадьбы, деревня Юрьево. Слева ближе к дороге стоят

ЖУЖУ

строения трудников монастыря г. Задонска. Трудники несут послушание, они растят пчел и собирают мед для нужд монастыря. Бригаду трудников возглавляет послушник Никодим, высокий, красивый, чернявый, выходец из Закарпатья. Никодим учится в семинарии и готовится быть священником или монахом, он еще не решил. Разговорчивый, с характерным южным оттенком, речь его мягкая, тягучая, он неспешно убеждает трудников сознательно подходить к своим послуша-

ниям. И правду сказать, хозяйство его налажено, проведен водопровод, вырыт большой пруд, пчелы в прекрасных ульях, ну а гордость Никодима — это цветы. Цветы разные, такого разнообразия цветов я не видел никогда, и все ухожено, пострижено и благоухает на всю округу. Трудники — народ очень разнообразный, это бывшие врачи, инженеры, военные, заключенные, художники, философы, педагоги и просто рабочие. Всех объединяет одно: водка. Спившиеся, потерявшие поддержку друзей, жен, детей, государства, они пришли искать приюта в монастыре. Монастырь их принял: одел, умыл, накормил, дал кров. Но запретил пить спиртное. Кто-то держится, молится, Бог ему помогает, ну а кто-то выпивает потихоньку, но не в стенах монастыря. Бог и того прощает. А те, кто не выдерживает, уходят, никто их не держит. Есть трудники, которые маются уже много лет: то уходят, то приходят. Трудники в Юрьево — пять человек во главе с Никодимом. Ребята разных возрастов, образования, интеллекта, отношения к труду. У всех семейное положение одно — временно холост. Объединяет их всех любовь к маленькой собачке. Когда-то невзрачная серенькая собачонка приблудила к монастырским, трусясь от голода и холода. Лил осенний тягучий дождь, она жалобно заскулила и была впущена в тепло человеческого жилища. У трудников тоже было тяжкое время: Никодим уехал по церковным делам, денег на выпивку не было, разговаривать меж собой не хотелось.

И вдруг эта собачка. Такая же бедолага, как и они, только без тепла и еды. Народ оживился. Собачку накормили щами. Глазки у нее заблестели, и она заулыбалась, а когда согрелась, завиляла хвостиком и стала ласкаться. Мужики тоже повеселели и стали с ней играть. Собачка оказалась талантливой актрисой: она ходила на задних лапках, подгибала ножки и показывала розовое брюшко, и гладящий получал одобрительное облизывание маленьким, вишневого цвета, язычком. Глаза были радостные, веселые, лукавые, но очень внимательные. Она следила за каждым членом бригады и зорко выискивала себе покровителя.

Приехал Никодим, выставил на стол водку и закуску. Теперь уже мужики заулыбались. Увидев зверька, Никодим сердито спросил: «Это что еще себе за Жужу?!» Собака нырнула под лавку. «А ну, иди сюда!» — нарочито сердитым тоном позвал ее бригадир. И она его послушалась. Виновато медленно вылезла, трусясь и повизгивая. «Ну, что из тебя будем делать, Муму или Жужу?» Все дружно зашумели: «Жужу, Жужу!», «С ней веселей», «Она мало ест» — и другие доводы в пользу собачки, видимо, убедили Никодима, и он согласился оставить ее, но строго сказал: «Не место собаке жить в одной комнате в монастырских покоях вместе с послушниками. Пусть ребята утеплят ей угол и поставят миску рядом с дверью в сенцах». Так и порешили. Выпив дружно за нового члена, простив ей немужское происхождение, дали имя Жужу, на которое она тут же тявкнула радостно из теплого угла рядом с дверью.

С этого вечера у Жужу началась прекрасная жизнь. Видно, мужики соскучились по отдаче теплоты и доброты другой половине человечества. Собачку холили, мыли, причесывали, очень часто ей красили помадой губы, надевали на нее платочки. Собачка понимала ласку грубых натруженных рук, терпела и не обижалась, а мужицкое сердце оттаивало и становилось светлее. Всей командой очень радовались, когда Жужу нагуляла животик, и все дружно принимали роды, утепляя углы и щели, да и Жужу всех благодарно лизала. Мамой она была никудышной. Как только щенята становились на еще не окрепшие лапки, она уже прихорашивалась и убегала в деревню. Никодим ворчал, когда она возвращалась вся помятая, поджав хвост: «Ну что, мадам Курвиль, исповедайся, где шлялась, где блудила». Собачка виновато повизгивала. Трудники, закрыв рот, дружно похохатывали, ну а Никодим распалялся: «Что, кобели одолели, мадам Курвиль? Иди ко мне, исповедайся, сестра моя». Потом приподнимал полог сутаны, и собачка подлезала под подол и начинала подвывать. Тут уж все не выдерживали и дружно ржали. И Никодим, сдерживая улыбку, говорил ей: «Ну ладно, сестра, прощаю, с кем не бывает». Жужу выскакивала, улыбаясь, зная, что спектакль окончен и ей дадут что-нибудь вкусненькое: кусочек рыбки, а может, даже кусочек мяска, если у людей не было поста.

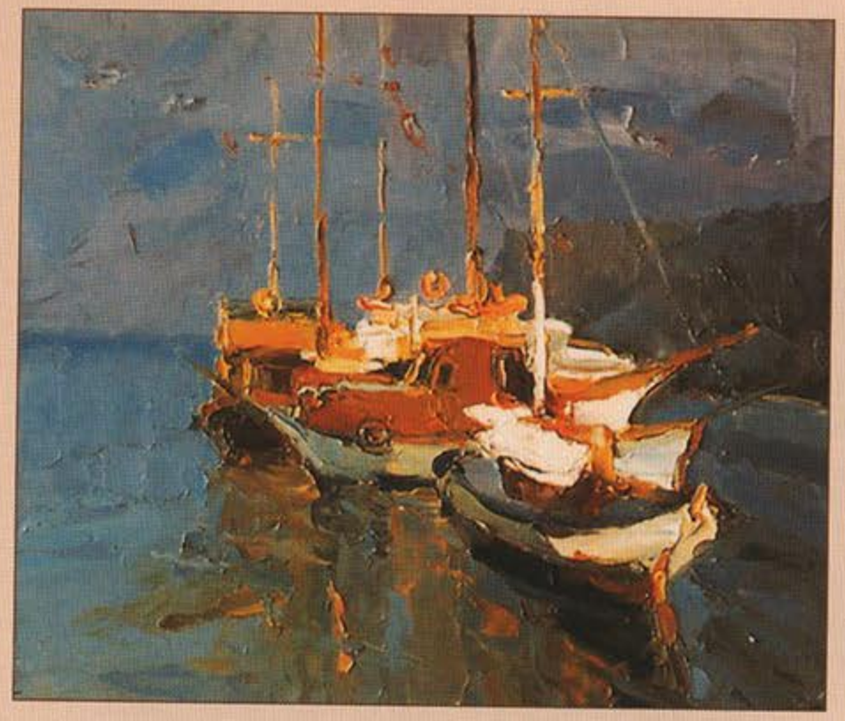
Я не знаю, как у вас, а у нас в Юрьево всегда две радуги и на одном месте. Правильно, у меня в саду, точнее, над Доном, где поле с моей дачи переходит в лесок, уходит вниз и бугрится сосновым и еловым лесом, перед Задонском, две замечательные фиолетово-салатовые радуги. Одна — мощная дуга, как небесные качели, а другая менее яркая. Радуги бывают каждый день, дожди редко. Почему радуга

РАДУГА В ЮРЬЕВО

уходит одним концом в Задонск, а другим растворяется правее моей усадьбы, всегда на одном и том же месте, никто не знает.

Как-то сижу, сверху Дон, радуги, дали и стадо коров. Пишу и нервничаю. Ну никак не пишется небо, вода, не берутся отношения земли с небом, да и колорит врет на моем холсте. Сержусь, ругаюсь, и, видно, громко. Пастух снизу, с берега, мне крикнул, чего ругаюсь. А это был Сережа, большой любитель коров, с интересной судьбой. Сережа — 45-

летний мужик — когда-то мальчиком закончил школу с отличием, очень хорошо знал и любил историю и географию, хотел поступить в университет на исторический факультет. Но родственники запретили, и Сережа стал пасти коров. Он их очень полюбил. Он никогда на них не ругается матом и разговаривает очень с ними ласково. Я объяснил Сереже, что радуга уходит и я не успеваю ее написать на холсте. Тогда Сергей бросает все, бежит, задрав руки и голову, и мне кричит: «Пиши, я ее подержу!» Вот так мы вдвоем с Сережей писали две радуги. Одну помощнее, а другую менее яркую. Сережа живет один, у него нет жены, детей, есть собака Шарик и любимая корова.



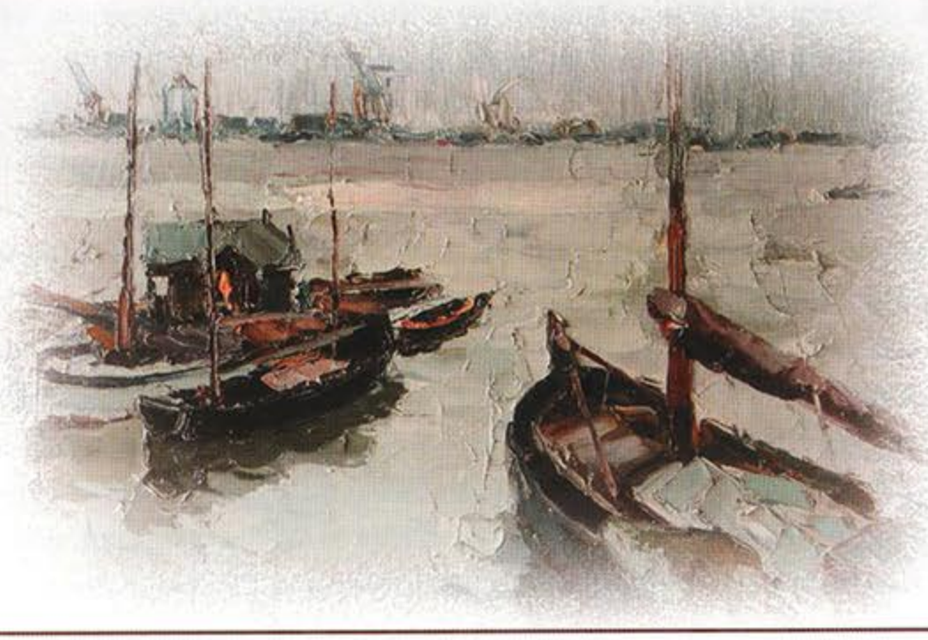
Утро обещало жаркую погоду. Стал собираться на этюды. Взял небольшие холсты, немного красок, пошел на пляж. Встал в углу в тенечке, открыл этюдник, купнулся, море было прекрасно, и со свежей головой и чистыми глазами стал наблюдать вначале пейзаж, затем людей.

ПЛЕНЭР НА МОРЕ

Вот стоит огромный человек. На море он впервые. Ему лет 50, он рабочий. Об этом говорят его тело и огромные мозолистые руки. Поглядев в восторге по сторонам, с криком «Ура!» он бросился навстречу волне. Выплыл — тот же восторг и возглас: «Здорово!» И вдруг он увидел, что весь пляжный народ смеется и смотрит на него. Он взглянул на себя: трусы семейные плыли рядом. Он засмеялся, воскликнул: «Здорово!» — и продолжил плавать, прихватив трусы. Всем было весело.

Я стою и пишу пляж: женщину-буфетчицу с Сибири, папу и сына из Череповца, женщину с красавицей дочерью, которые через полгода разобьются в машине, а пока всем весело. Вот стоит дородная мама. Девочка лет четырех спрашивает маму: «Мама, я писать хочу, где туалет?» — и дергает ее за руку. Мать раздраженно: «Что, моря не видишь? Что, тебе его мало?» И снова, как монумент, отдав себя солнцу, устремила взгляд в романтическое будущее. Рядом пожилая еврейка очень тщательно полоскала рот морской водой. Говорит, помогает.

Шум, гам, весело. Лето, море. На море голубизна, тишина вдалеке. И вдруг пляж заорал: «Дельфины! Дельфины плывут!» Все смотрят в море. Одинокая фигурка мальчика загораживает вид группе ребятишек. Воспитательница, толстая потная женщина, кричит: «Пипкин, утони! Срочно утони!» Мальчик стоит на волнорезе и не слышит. Тетка заорала во всю мощь: «Пипкин, я кому сказала, срочно утони!» Мальчик наконец услышал и нырнул в воду. Сразу открылась прекрасная картина: два огромных дельфина играли и кружились на глазах всего пляжа, как бы специально для отдыхающих. Все были в восторге и хлопали в ладоши. Я написал этюд. Он сейчас висит у меня на даче на Дону в селе Юрьево.



Художник, работающий на природе, обычно много путешествует. Иначе он не увидит колорит той местности, где он работает. Мне немало пришлось путешествовать, я объездил страну вдоль и поперек. В этом наброске я попробую рассказать о тех местах, где мне довелось быть и работать.

ИЗ ПОЕЗДОК ПО СТРАНЕ

Средняя Азия. Однажды ко мне в мастерскую на Профсоюзной пришел молодой, высокий, красивый мужчина, представился: художник Володя. Мы разговорились, и он предложил мне поехать в таджикские деревни поработать. Красивые горы, самобытность жизни горных таджиков и их гостеприимство — все это заманчиво. Дня через два мы были в Душанбе. Затем поехали на перекладных в местечко Байсун, где цивилизация не дошла эдак лет двести. Поселились у местного учителя Рахматуло. Отец восьмерых детей, лет 36 от роду, был застенчивый, ин-

теллигентный в меру восточный человек. Дом очень красивый, весь расписной, состоял из двух половин, женской и мужской. Нам с Володькой на полу постелили много матрасов и покрывал. Было очень мягко и уютно. Вечером собралось много друзей, все хотели слушать наши рассказы о Москве, о стране. Ведь у них информации почти не было, только у некоторых был транзистор. Как-то неожиданно быстро стемнело, все сели за невысокие столы, покрытые дастарханом, и продолжили пировать. Пир состоял из многих бутылок коньяка, огромного количества зелени. Там же орешки разных сортов, сладкий миндаль, разные восточные сладости. За столом сидят только мужчины. Женщины кушают за столом отдельно, дети отдельно. Пир продолжался почти до утра, с рассказами, песнями под дутар, со стихами и, конечно, чаем. «Чай попил — орел, летаешь, чай не пил — бревно, лежишь».

Утром открываю глаза. Передо мной синие прозрачные горы, небо бездонное голубое, ярко освещенные светлые дома, кусты самшита упругие, с блестящими листьями. Вдалеке серпантин дорог вьется, и кругом маки, нежнейшие полевые маки, где-то звучит восточная мелодия.

Наша работа проходила в трех местностях: Сайроб, Денау и Байсун. Мы писали этюды, делали зарисовки, встречались с людьми. Условия жизни — первобытные: нет электричества, дорог. Отношения людей между собой кастовые. Дома глинобитные, во дворе чисто. Детей много. Однажды нам организовали поездку в горы, смотреть, как цветут маки. Был выделен «уазик» с открытым кузовом. Дело было в конце мая, и было очень жарко. Мы поехали в горы в одних легких рубашках и легких штанах. Взяли с собой много еды и, конечно, выпивки. Дорога в горы была прекрасная: ущелья, пещеры сменялись широкими плато. Мы забирались все выше и выше, проехали несколько перевалов, затем машина поехала по бездорожью, то есть по горам. Иногда дух захватывало, когда мы неслись вниз с огромной скоростью. Мы все дальше и дальше уезжали от основной дороги. Наступил полдень, мы перекусили и выпили и помчались дальше навстречу красоте. Мы проехали уже несколько часов по не-

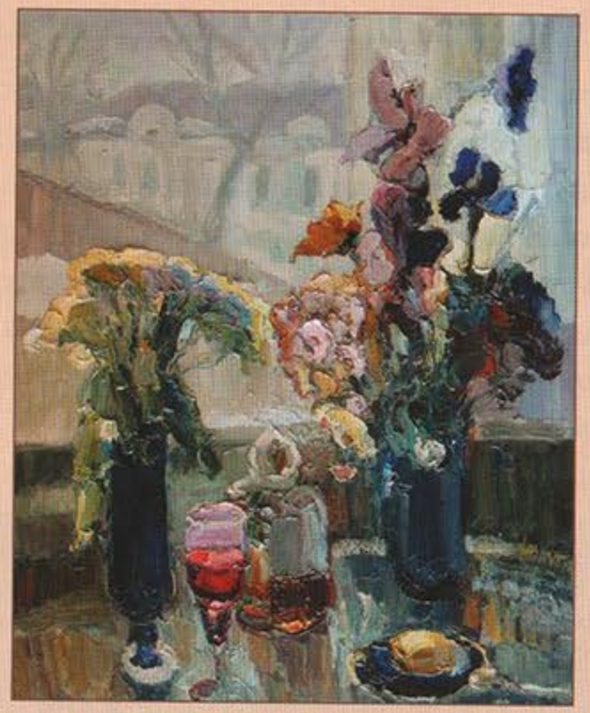
стерпимой жаре, видели прекрасные поля маков, тюльпанов, каких-то синих цветов, но проводник настаивал, что нас ждет чудо. И вот через час, ближе к вечеру, мы увидели полыхание яркого красного цвета, передать невозможно. Мы стали писать этюды. Затем был ужин, и незаметно солнце стало уходить за горы. Темнело на глазах. Невыносимая жара сменилась приятной прохладой. Наши узбекские друзья стали говорить что-то тревожное на узбекском. Мы спросили.

Возвращаться было поздно, дороги не найдешь, а ночевать? Ночью температура опускается до двух градусов тепла, с 35—40. Ни мы, ни они не были соответственно одеты. Мы напились, и часов с двух ночи начался кошмар. Огромное звездное небо, в горах — кромешная тьма, холод невыносимый. Все мгновенно протрезвели, стали искать, что можно сжечь в костре. Жечь было нечего. Мы стали обдирать борта от машины, инструментов не было, вручную, бегали недалеко, искали любые щепочки, костер горел, до утра светло-

Узбекистан

го оставалось 5 часов. В один из тяжелых моментов сожгли запаску и продолжали раздирать машину руками. Затем начали прыгать, бегать, бензин не трогали, его было мало. Спать друг другу не давали. Последней сожгли палатку. Спиртное давно кончилось, оно и не помогало.

Холод был нестерпимый, никто ни с кем не разговаривал. И вот, примерно минут в двадцать седьмого, появилась долгожданная оранжевая полоска рассвета. Красота была неописуемая. Горы загорались мощным цветовым аккордом, наступал новый день. Вместе с этим лучом и у нас появилась надежда вернуться с гор. Когда рассвело, наша машина представляла страшный вид. Ни одного деревянного кусочка, наши руки все были в ссадинах и царапинах. Но какое блаженство, когда дохнуло первым теплом по спине, лицу. Счастье быть живым! Мы разместились в машине, наши ноги проваливались в щели, каждый сидел и упирался в железки, которые были еще ледяные. Медленно мы покатили с горы на холостом ходу, проехав так километра три, не говоря друг с другом. Мы ждали. И вот движок заурчал, и всех нас прорвало: кто говорил на узбекском, кто на русском, но все говорили об одном — о жизни.



Однажды мои друзья Толя и Виктор пригласили меня в Архангельск, помочь сделать небольшой музей погоды, то есть музей, посвященный работникам метеослужбы. Сборы были недолгие: захватив холсты, этюдник, краски, а также теплые вещи, мы сели в поезд и не спеша весело покатили на Север. В Архангельске на-

ХУДОЖНИКИ НА СЕВЕРЕ

чальник погоды Г. Васильев встретил нас очень радушно, устроил жить на корабле «Мангазея», поставил на довольствие, и вся жизнь потекла по-северному, без суеты. Когда работы не было, мы играли в домино или в карты с командой корабля, и получилось вот что: мы постепенно выиграли весь корабль. А было так. Когда мы появились на борту, экипаж над нами посмеивался — «интеллигентики из Москвы». И вот однажды нам предложили присоединиться поиграть в домино. Смехом начали играть на интерес, но так как ни у одной из сторон интерес в карманах не водил-

ся давно, то мы были не прочь выиграть что-нибудь материальное. Художники — народ на колесах, и в командировках мы с Витькой и Толей быстро сыгрались и вначале выиграли: камбуз и т.д. Таким образом мы у команды выиграли корабль, прозвище «интеллигентики» из нарицательного превратилось в положительное. Работа продвигалась, и вскоре мы с начальством отмечали открытие музея. У Васильева возникла идея за хорошую работу организовать нам поход на «Мангазее» в Баренцево, Карское, Белое моря с высадкой на метеостанции. От такого романтического предложения трудно было отказаться. И вот летом под песню «Яблоки на снегу» мы с Толей отправились в путешествие на «Мангазее». Корабль «Мангазея» рассчитан на обслуживание северных метеостанций всем необходимым: техникой, продуктами. Если станция находилась на острове, то с корабля спускался плот и груз доставлялся по назначению раз в полгода. «Мангазея» обслуживала все северные станции на Баренцевом, Карском, Белом морях. Собираясь в дорогу, я взял с собой много холстов, красок и одежды. Север есть Север. Хотелось много путешествовать и писать. А писать в сильную качку очень сложно, и я решил высадиться в ближайшем пункте путешествия — на острове Мудьюг, что в 70 километрах от Архангельска, на Белом море.

Уренгой

На острове никто не живет, только метеослужба. Остров очень длинный, 48 километров, но местами ширина его очень узкая, до 300 метров. Остров весь покрыт лесом, в лесу грибы, ягоды и миллиарды комаров. На острове стоят английские пушки и законсервированный, в очень хорошем состоянии концлагерь.

ОСТРОВ МУДЬЮГ

Я познакомился с начальником метеослужбы. Симпатичный мужичок лет 35, жена тоже рядом, и еще трое ребятишек разного возраста — от семи до двух лет. Они хозяева этого острова. Сажают картошку, капусту, морковь. У них есть поросенок, коза, гусь, щенок и многочисленные котята. Очень забавно наблюдать, когда в солнечную теплую погоду они идут строем по берегу моря. Первой бежит коза и мекает, за ней поросенок и хрюкает, затем догоняет, гогоча, компанию гусь. Ну а щенок строем не ходит, вся эта команда вместе с детьми играет на песоч-

ке. Писал этюды круглые сутки, верней, утром и ночью, когда кругом тишина. Мастерская и жилье у меня были офицерские казармы, дореволюционные, с голландскими печами и высокими окнами. По острову я много бродил, вокруг красивые сухие деревья. Как-то я добрел до дальнего шалаша. Там, в шалаше, висели сухие шкурки гадюки, лежали сигареты и стояла недопитая четвертинка. Хозяин был где-то рядом. Я его дождался, он оказался жителем соседней деревни с другой земли. Он заготавливал сено. Между Мудьюгом и землей находится Гнилое море. Оно очень теплое, и на нем живут тысячи лебедей, а также морские зайцы. Все это рассказал мне тот человек и пригласил меня в гости. Мы сели в лодчонку, и только отплыли — показалась голова тюленя с любопытными глазами и усами. Мой попутчик погладил его по голове. Животное не испугалось, мне тоже захотелось его потрогать, и буквально через два метра тюлень снова вынырнул, и вот я уже глажу его по гладкой мокрой голове. Проехав метров сто по воде, мы высадились на берег. На берегу стояли огромные деревянные добротные двухэтажные дома. Вокруг лес. Замка на двери не было, просто стояла палка, прислоненная к косяку. Она говорила, что хозяев дома не было. Мы зашли на второй этаж, в светлую большую комнату. Я стал разглядывать помещение. На стене висели кольца, которыми окольцовывали птиц, на кольце по-английски было написано «Бритиш музеум». Я спросил хозяина, он объяснил, что в прошлом году он подстрелил пару лебедей для заготовки мяса, ими оказались лебеди, окольцованные в Англии. Он мне рассказал, что деревня ведет первобытное натуральное хозяйство. Еду всю заготавливают сами: солят семгу, грузди, мясо вялят, делают тушенку из лосятины. Заготавливают компоты из морошки, мочат бруснику, тушат чернику. Покупают только соль, муку, масло. Я спросил его, зачем ему сушеные шкурки змей. Он мне ответил: «Из них делают модные галстуки на Западе, а шкурки — дополнительный доход». Мужчины выпивают все, многие женщины тоже выпивают. Но пьют умеренно, никто не спивается. Попив молока, съев кусок пирога, я лег спать, а в пять утра я

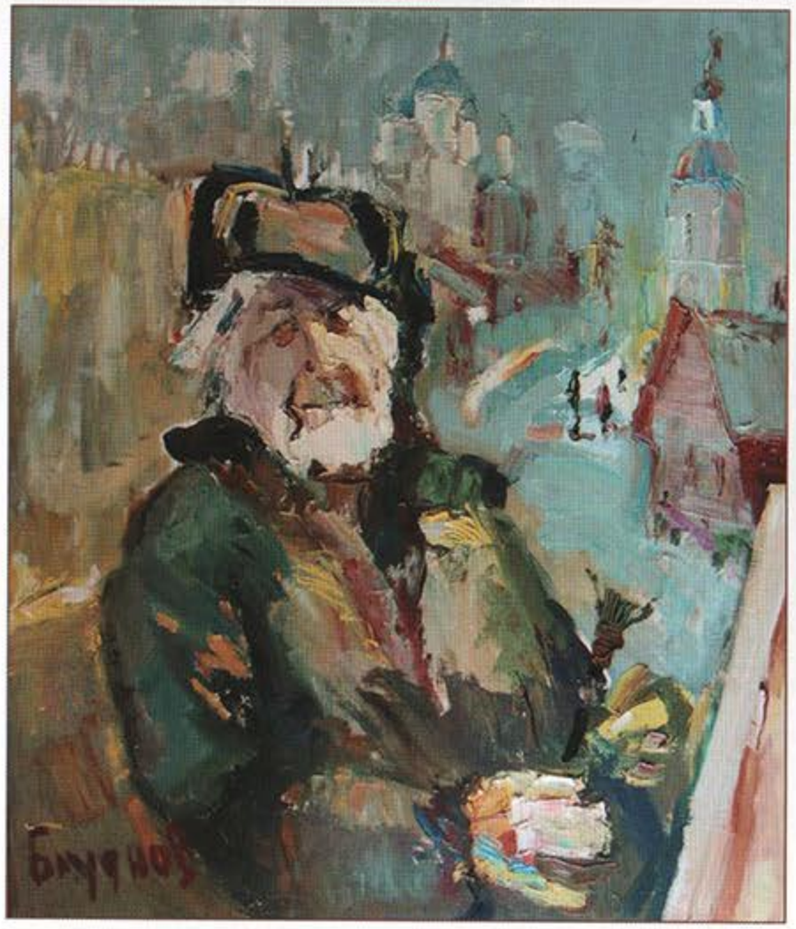
был на своем острове Мудьюг. Проработав две недели на острове, я вызвал катер и был доставлен в Архангельск, где написал этюды в Камбарке. Работа на Севере произвела огромное впечатление. Архангельск, Северная Двина, Соловки, о. Мудьюг, Белое море, северные леса, огромные просторы, чистые синие реки, гостеприимные люди и, конечно, незабываемые комары. Сейчас бы я не смог вынести суровость этого края, сейчас хочется больше тепла, а тогда, на Севере, ощущалось величие нашей Родины.

Начался заезд художников. Дожди. Художники вялые. Серый день. Художники играют в футбол, идет всесоюзный матч, где южане играют против северян. На футбольном поле лужи, недавно прошла гроза. Немногочисленные зрители, тоже художники, лузгают семечки и обсуждают игру. Вдруг где-то вдалеке раздался едва уловимый стрекот вертолета. Звук приближался, грохот возрастал.

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ДАЧА. ЗАЕЗД

И вот на подлете к стадиону все увидели вертолет, который снижался и страшно грохотал. Игра приостановилась. Вертолет завис над полем и начал снижение. Наконец он приземлился, лопасти еще покружили, погрохотали и смолкли. Все замерли в любопытстве — что же произойдет? Минут пять была общая тишина. Затем дверь вертолета открылась, из нее вышел летчик, вынес ящик коньяка и поставил на футбольное поле. Через некоторое время дверь вертолета распахнулась, и изнутри

вышел мужчина, одетый в белоснежный костюм, с тростью в руках, в белой шляпе на голове, в белых туфлях и белых носках. Вид джентльмена был неотразим. Мы все, художники, сидели в телогрейках, и вдруг такое чудо. Джентльмен снял шляпу, откланялся всем нам элегантно, тем самым поприветствовав своих братьев-художников, и стал спускаться с трапа вертолета. Затем, посмотрев вокруг и улыбнувшись, плашмя упал на землю вниз лицом прямо в лужу и уснул. Все радостно заулыбались. Это прилетел Иванчук, Герой Советского Союза, народный художник, ветеран Великой Отечественной войны, бывший летчик, замечательный художник, балагур и оригинал, любимец всех женщин. Потом он рассказывал: он ехал на Академическую дачу и решил навестить свою воинскую часть, где он служил во время войны летчиком, тем более это было по пути. Ну, как водится, друзья встретились и несколько дней вспоминали минувшие дни. Затем он сказал, что опаздывает на пленэр. Летчики вызвались помочь. Вот таким образом наш герой оказался на футбольном поле.



Портрет художника В. Сорокина

На Академической даче была лошадь. Когда она умерла, ей на высоком месте поставили памятник, огромный валун, на котором было начертано: «Лошади в благодарность от художников». Она служила при кухне и привозила продукты и развозила различные хозяйственные предметы. Лошадь помогала убирать картошку, капусту и другие сельхозпродукты. В общем, обычная лошадиная работа.

ЛОШАДЬ

Помимо своей обычной работы, эта лошадь была замечательная натурщица. Она понимала, что от нее хотят, и могла стоять очень долго не двигаясь. В благодарность художники давали ей свой хлеб. Было очень забавно, когда в дверь мастерской без приглашения входила большая настоящая лошадь, фырчала и просила губами хлеба. Немножко даже было страшновато. Но лошадь эта никогда не кусалась и не лягалась, а, наоборот, иногда спасала художников от простуды и тяжких последст-

вий. Проезжая по полям, лесам, по любимым художниками живописным уголкам, она запоминала места, где художники стояли и писали этюды. И если художник вдруг прилег там, где писал, она не спеша, вместе с телегой, подъезжала к художнику, стояла как вкопанная и ждала конюха. Конюх, посмотрев окрестности, увидев свою лошадь, не спеша подходил к живописцу, интересовался здоровьицем, и если оно не позволяло самостоятельно дойти до мастерской, то тело грузилось на телегу. Это не всегда проходило гладко, кто-то оказывал сопротивление. И вот нагруженная творцами прекрасного повозка подъезжала к мастерским, конюх раздавал свой груз, приговаривая: «Вот за него давайте три рубля за доставку, а за этого пять рублей». Принимающая сторона недоумевала: почему такая разница? Конюх в ответ: «Этот спокойный, а этот дрался». Любимая лошадь прожила очень долгую жизнь, тысяча этюдов была написана с нее. Скольких она транспортировала, не дав художникам замерзнуть, и умерла тихо своей смертью.

КАК Я ПИШУ КАРТИНУ

Друзья спрашивают: как я пишу картину? Для меня не существует понятия «этюд картины». Для меня существует понятие «произведение, творчество, вложение энергии». Для меня не существует понятия «малая форма или большая форма» произведения. Есть небольшие картины голландских художников, они драгоценны и великие, а есть огромные холсты или скульптуры, кроме раздражения ничего не вызывающие и не несущие заряд энергии художника. Итак, хочу написать натюрморт «Цветы». Цветы — это символ. Они, как все живое, имеют начало жизни, расцвет, увядание и смерть. Все, что я сейчас говорю, — это бред. Да и живопись моя тоже бред. Чем больше пишешь, тем больше понимаешь, что если не трогает — не пиши, не любится — не люби. Но если вдруг что-то останавливает, и не один день, и не один месяц или год, значит, надо смотреть. Начинаю смотреть и ду-

мать, что меня трогает, например, в ирисе. Ирис — древнейший цветок (цветок-радуга), изысканность, строгость, насыщенность цвета. Нежность стеблей, почти эфемерность. Движение лепестков неповторимо. Начинаю ставить букет. Синие ирисы. И пишу синие ирисы. Они должны быть синие, эти ирисы. И если я написал их синим — натюрморт получился. Вот и все. А вот что подкладываю рядом с синим, сколько оттенков желтого, оранжевого в этом синем. Это профессиональная работа и забота художника. Великие мастера учили: больше смотри, не трогай холст кистью, пока не поймешь, что хочешь сказать, чем восхищаешься. Если клюет и увидел, что сможешь убедить зрителя, пишу быстро, энергично, то есть тащу удачу во всю силу, и тут не важно, сколько ушло крепких слов, сколько потерял зубов в челюсти. Я обязан взять удачу. И я ее беру иногда. Вот так я пишу картину.

ГАМБУРГ. БЕРНДТ

Берндт сказал: «Едем в Данию на пруд ловить рыбу». Чтобы добраться на пруд, надо проехать километра два по Германии, потом, повернув налево, проехать по проселку немножко Норвегию, а там до пруда рукой подать. Как водится, немец набрал удочек, снастей, десятка два разновидностей червяков, красивые, как елочные украшения, всякие насадки. Ну сели на посошок, как водится, и покати-

ли на велосипедах через три страны на пруд. Ехали не спеша, крутили педали, и я смотрел по сторонам. Все ровненько посажено, аккуратненькие домишки, пышные красивые буренки. Ну просто красиво, как на рекламе. Вот впереди показались такие же дома, как в Германии. Ан нет, это Дания! Язык свой, порядки свои. Едем по шоссе, впереди старинный храм. Вошли. Век тринадцатый, кругом картины, скульптуры, лавочки увиты свежими цветами. На кассе продаются книги, толстые

фолианты. В церкви нет никого. Первая мысль — как можно всю эту красоту оставить без присмотра? Берндт тихо: «В деревнях не воруют». Зашел молодой человек, подошел к иконостасу, что-то спел и сыграл на гитаре. Его никто не погнал и не заорал. Едем по маленькой датской улочке, продается клубника. Стоят весы, корзиночки с ягодой, лежат денежки, а продавца нет. Можешь сам взвесить, дать, то есть положить, деньги и взять сдачи. Процесс неконтролируем. И вот наконец-то мы доехали до пруда. Ну да, у нас все, конечно, было. Выпили за мир, за дружбу, за природу, за рыбалку, за все. Берндт очень уверенно разложил штук восемь удочек, насадил пеструю насадку и дал мне две удочки, четыре себе. Рыбалка началась. Погода стала хмуриться. Полетели мухи снега, неожиданно стало очень прохладно. Водочка давно кончилась при рассказах о чудесной ловле на этом пруду. За три часа ни один поплавок даже не шевельнулся. Посмотрев честно друг другу в глаза, мы молча сели и, бодро крутанув педали, помчались вперед, навстречу теплу и некоторому запасу бодрящего напитка.

О БРАТЬЯХ И СЕСТРАХ

По порядку: сестра Светлана старше меня на пять лет. Когда мама везла ее в эвакуацию на поезде, то женщине с ребенком места в вагоне не нашлось и мама сидела на подножках теплушки и однажды задремала, едва не выронив Свету. Чудом отец успел схватить девочку. Света была первой, а первым всегда тяжело. Она раньше нас пошла на работу, с четырнадцати лет работала цветочницей и прекрасно пела. Светочка во всем помогала маме — и стирала, и гладила. И фантазерка была необыкновенная, и очень добрая... Была.

После меня сестра Марина. Всю жизнь мечтавшая стать учителем, и вот уже почти сорок лет она учит детей русскому языку. Однажды Марине Борисовне из деревни привезли мальчика 15 лет, который не умел говорить, читать, писать. Через два года это был прекрасный юноша, грамотно говорящий, читающий и пишущий. Но сколько это стоило

трудов Марине Борисовне! Все это, естественно, бескорыстно.

Брат Станислав. Когда он родился, у него ножки были колесом. Сильнейший рахит. Но благодаря занятиям спортом, своей неуемной подвижности уже в пять лет Стас стал отличным пацаном. Стас занимался футболом, боксом, лыжами, немного прыжками с трамплина. Мы со Стасом дружили, вместе зайцами ездили за грибами. Продавали цветы, грибы, ягоды. В дальнейшем Стас стал прекрасным сварщиком-аргонщиком и работал на Байконуре. Перестройка сломала ему жизнь, он сильно заболел и умер.

Брат Виктор — это корабль, плывущий сам по себе. С одной стороны — очень общительный, с другой — замкнутый человек.

Сестра Наталья — красавица женщина. Когда она училась в институте и потом работала после выпуска, за ней приударяли все мужчины, а она, гордая, вышла замуж за друга Стаса Сережу. И вот уже много лет они живут вместе, она бабушка, великолепно расписывает уникальные матрешки, которые не продает, а только дарит.

Белокурая, вечно улыбающаяся сестренка Галина — самый легкий в общении человек. Несмотря на тяжелую семейную жизнь, нет очаровательнее Галины. Ну а внук, рыжий, как солнышко, ее очень радует.

Татьяна — с огромными глазами, небольшого роста. Я любил в детстве над ней подшучивать. Перед школой я заплетал ей косички в разные стороны, и она шла в школу с полными слез глазами. Ты уж прости, Татьян! Татьяна имеет двух сыновей-богатырей, которые радуют мать.

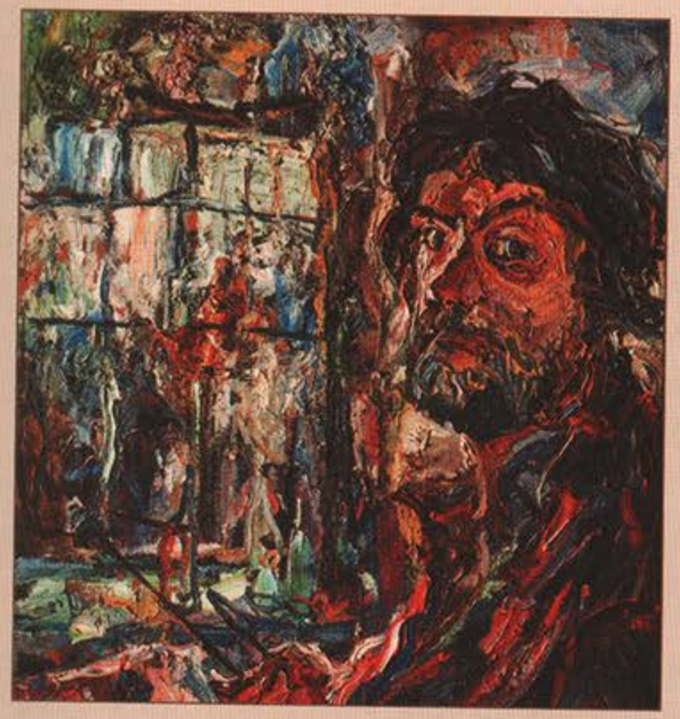
Утонченный, с тонким юмором брат Игорь работает скульптором-форматором. Вечный труженик, великолепный мастер своего дела, никогда не отдыхает в отпуске. Переживает за всех. Прекрасно поет и играет на гитаре, а еще здорово играет в футбол.

Брат Олег — специалист на все руки, управленец. Певец, пел в ансамбле «Поют гитары». Строитель. Замечательный футболист, растит сына, профессионального футболиста, и красавицу дочь. Олег — связующее звено всех нас. Олег вместе с Игорем — организаторы семейных мероприятий и встреч.

Бориска, привет! Борис — это мастер по дереву, художник-оформитель, профессионал и лучший вратарь района. У него полно всяких спортивных медалей. А еще Борис всегда помогает мне делать экспозиции, выставки. Спасибо тебе!

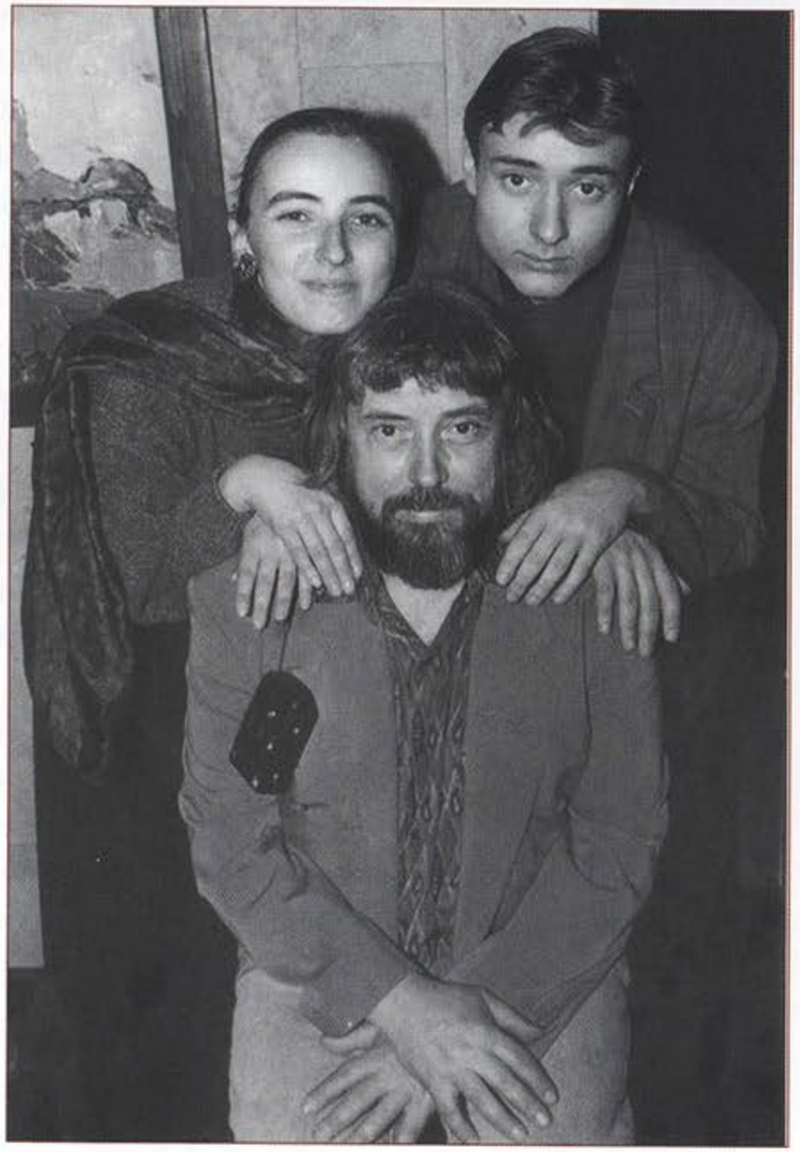
Алексей — самый младший, очень серьезный человек, поэтическая натура и скромный труженик.

Итак, нас 12 человек, родившихся и выросших в Москве. Родители не имели ни огородика, ни коровки, мы выросли в центре Москвы. Несмотря на трудности, мать и отец смогли вырастить достойных людей: педагога, художника, строителя, мастеров по дереву, телефонисток и т.д. Нас учили не воровать, не завидовать, быть дружными. Дружба спасала от голода и холода. В тяжелые времена мы всегда были вместе, и в веселье у мамы собиралась семья в пятьдесят с лишком ближайших родственников. А когда мы пели, заслушивался весь двор и завидовали такой большой и дружной семье. И тогда вдруг мне вспоминалось: «Вот дура, нарожала!» Да! Нарожала себе на счастье. Мама и папа были счастливые люди.



ДОЧЬ. СЫН

У меня есть два взрослых ребенка: дочь Ирина Павловна и сын Григорий Павлович. Первой родилась дочка. Она родилась маленькой, с волосиками на ушках, я про себя назвал ее Белочкой. Девочка росла сообразительной, умненькой. Когда ей было годика полтора, чтобы часто не просить у нас пить, приспособилась брать водичку из унитаза детским галошиком. У дедушки просила коня, дедушка опрометчиво как-то ей пообещал, об этом обещании она помнит всю жизнь и некоторое время ходила заниматься верховой ездой. Затем Ирочка стала танцевать и играть на пианино. С отличием окончила школу музыкальную и с тех пор к пианино не подходит. Иринка очень упорная и справедливая, не терпит фальши и вранья. Немножко ортодоксальная. Однажды мы всей семьей поехали на соревнования по лыжам. Бежали семьей. Дали старт, мы с женой зашли в предстартовую палатку, выпили по 100 граммов водочки и побежали на лыжах не быстро. А Иринка старалась, помчалась вперед и опередила нас далеко. Пробежав какое-то время, мы с женой ради шутки срезали довольно много и пришли одними из первых. Немного позже к финишу пришла Иринка. Как же она нас ругала и плакала, что мы всех обманули (а все взрослые не торопясь срезали, где могли). И когда нам вручили приз — шахматы, дочь настояла немедленно их вернуть.



Неуемность, находчивость, умение быстро находить решение в трудных вопросах, огромное желание помочь ближнему. Дочь работает на фирме дизайнером. У нее хороший муж, ее друг Алеша. Дай Бог им счастья и мира. Они оба работящие, веселые, обладают юмором, независливые ребята. Дай Бог им здоровья.

Гришка родился летом. Когда я его увидел первый раз, я подумал: будет разбойником. Глазки в пучок, взгляд лукавый, с хитринкой и

как бы говорил: «Ну, держись, папа и мама, я родился». Годика в два он играл в песочек с таким же мальчишкой. Гришка кинул песок, а в ответ мальчишка кинул острую палку. Когда я увидел, как сынок закрыл глаза, а между пальцами течет кровь, это было не слабо. В больнице сказали, что ему повезло и палка попала в слезник, а не в яблоко глаза. Затем Гриша ломал четыре раза ключицу. Ни в сад, ни в спортивную секцию мы не ходили. Зато в четыре года он самостоятельно научился читать, и, сидя на кухне, мы очень часто смеялись с ним вместе, так он заливисто хохотал у себя в детской. Очень ему нравилась книга «Старик Хоттабыч». В пять лет он стал здорово писать акварелью, гуашью, и я отдал его в художественную школу. Еще он делал большие батальные композиции. За композицию «Бородино», где участвовало более тысячи фигур, он получил первую премию. И я думал, что растет новый панорамщик Рубо. Но Гриша увлекся компьютером. Компьютер — это и радость, и боль подростка Гриши. В школе он учился плохо, и дисциплина никакая. Всю ночь игра на детской приставке в стрелялки-догонялки. Он уже мог до корочки собирать и разбирать первые примитивные компьютеры. Но школьные дисциплины неудовлетворительные. Пришло решение. Я обещал Грише, если он поступит в педуниверситет на художественно-графический факультет, то я ему настоящий, среднего качества компьютер куплю. Ударили по рукам. Сынок за два года оканчивает экстерном школу, художественную школу и в 15 лет поступает в университет. Я обещание свое тоже выполнил. Сейчас Григорий Павлович — кандидат педагогических наук, доцент. Художник-дизайнер. Он очень любит путешествовать. У него прекрасная подруга Ирина. Гришке я желаю быть более самостоятельным, настойчивым в достижении цели. Мечтаю с сыном чаще разговаривать и когда-нибудь сходить на этюды.

Теплое утро

Когда мне было лет пять, я уже поглядывал на девочек. Они вызывали у меня интерес, ну, как к небу, звездам, растениям, но не как к собакам, кошкам, птицам, мальчишкам. Я затаенно, как бы бочком за ними наблюдал. Мне все девочки казались волшебными. Для меня не было различий: красивая, некрасивая... Это я не понимал. Просто я смотрел, как девочка поворачивает голову, как смотрят ее

МОЕ ОТНОШЕНИЕ К ЖЕНЩИНЕ

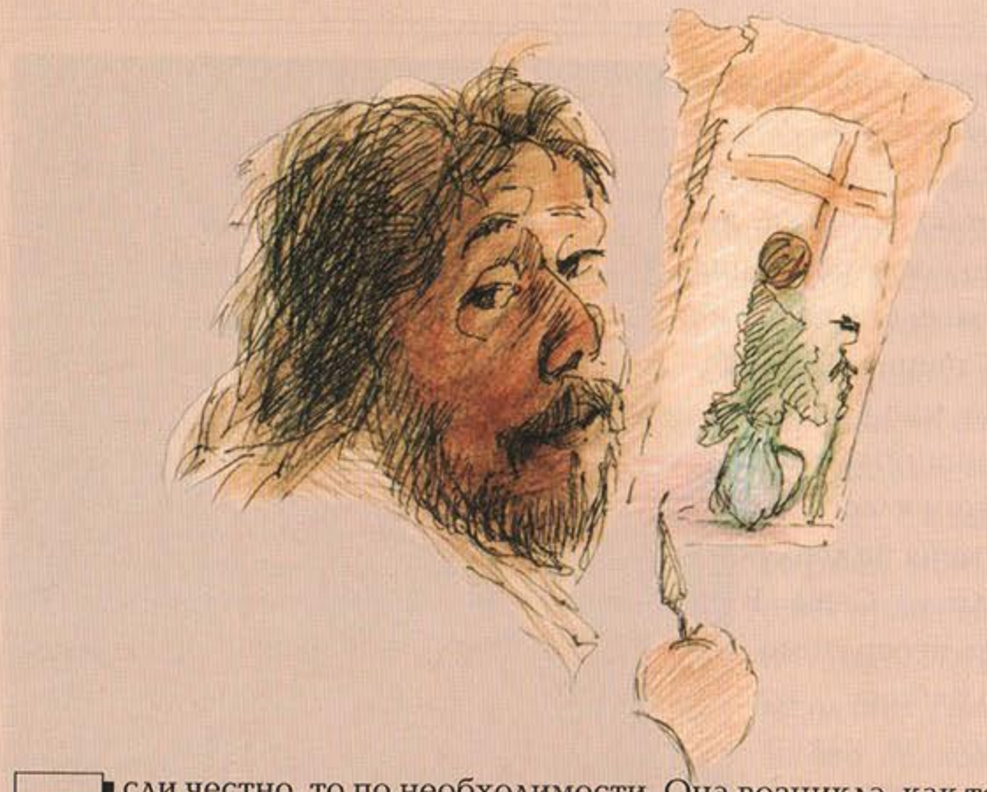
глаза, как передвигаются ножки в носочках, как парят ручки и брызгами разлетаются пальчики. Поворот спины, огромные глаза — это чудо. Это я почувствовал очень рано. И это меня уже возбуждало. Моя застенчивость и в те времена не позволяла мне к ним подходить, разговаривать, но мне очень хотелось, и уже к годам семи-восьми у меня сложился тип девочки, который мне нравился. Это веселая, с большими глазами, в меру разговорчивая. Понятие о фигуре у меня тогда еще не

сложилось. Вообще-то у близких друзей-мужчин обо мне сложилось мнение «Бабский угодник». Да, я очень люблю женщин, которые не являются мужчинами в юбке. Я могу простить женщине все, что относится к древнейшим признакам ее. Но не воспринимаю грубую, жестокую, тупую, ограниченную, с самодурством, уверенную в истинности своих суждений. Женщин я никогда не боялся, я их чувствовал. Во мне рано проснулось желание близости к женщине. Они чувствовали исходящие от меня любопытство и это желание и часто отвечали взаимностью. Первый мой интимный опыт произошел довольно поздно. Это была моя жена после свадьбы. Было все прекрасно. Многие сейчас не поверят, а ведь тогда так и было. Целовались, обнимались, танцевали. Как говорилось: потанцевал, за коленку подержался — женись. Не забывайте, у меня была бурная жизнь, работа, учеба, работа, выходы на этюды. На романтические отношения времени не хватало. К тому же я пел, и неплохо. Отбоя от девчонок не было. И я терялся: то ли в тиши

Лето

творить прекрасное, то ли в шуме праздника пользоваться прекрасным. Сцена, вечный праздник, выпивка, вечеринка. Но после рождения дочери я больше на сцену не выходил. С пением было покончено. Да, мне всегда нравились женщины. Когда я учился в пятом классе, девочка позвала меня на день рождения, звали ее Саша. В то время я пел неотразимо «То березка, то рябина...» и даже записывался на радио. Ну так вот. В квартире был накрыт стол: пироги, мороженое, пирожные. Гостей было два мальчика и еще одна девочка. На стенах висели старинные картины, меня они заинтересовали, они были западной школы. В конце обеда Саша попросила меня спеть, я очень старался, ей понравилось, она взяла меня за руку и заговорщически отвела меня в комнату, закрытую шторами, — это была спальня. Саша показала мне на картину, где были обнаженная и Вакх. Я засмущался, таких картин я еще не видел, а затем тихо попросила: «Поцелуй меня» — и закрыла глаза и вытянула губки. Я засмущался и выбежал из комнаты. Больше Саша со мной не здоровалась. А я целую неделю боролся с волнением и напряжением, которое вызвало предложение. Я много лет искал Сашу и помню ее до сих пор маленькой девочкой с большими серыми глазами и большой улыбкой до ушей.

У окна



Если честно, то по необходимости. Она возникла, как только я уехал за 440 верст от Москвы на Дон в Юрьево. Здесь в тиши очень много свободного времени, его не знаешь, куда девать. Очень часто остаешься совсем один, и одиночество заставляет смотреть в себя, наблюдать за людьми, наблюдать за природой. Наверное, я сейчас

ЗАЧЕМ Я ПИШУ РАССКАЗЫ?

жизнерадостный идиот, который всему радуется. Таким я был не всегда. Если бы мне лет десять назад сказали, что я буду писать рассказы, я бы рассмеялся. Мое призвание — живопись. Я всю жизнь посвятил этому ремеслу. Пробивался сквозь неудачу первых творческих проб, боролся с бытовыми трудностями, суетился в поисках жизненных благ. Тратил время на всякие тусовки. Улыбался, когда надо было сердиться, врал, когда надо было говорить себе правду. Играл в жизнь. Жил, как все люди, добывая благополучие и удобства в суете и трудах. И вот я в

Юрьево, в маленьком доме, передо мной библейский пейзаж с Доном. Тишина. Пишу цветы, море, портреты, а хочется рассказать о соседке, ее мировоззрении, о пастухе Сереже, его жизни, рассказать о поездках... Живопись — это статическое искусство, оно не может развиваться во времени. Сорок лет я изучал проблемы живописи: цвета, тона, гармонии цветотональных отношений — и стремился бороться со статичностью, считая застылость даже очень красивых живописных масс неисправимым недостатком. Огромные композиции меня не трогали, я восхищался мастером, его трудолюбием, талантом, умением строить композицию, но внутренне я не воспринимал движение, а видел кадр. В своих работах приходилось сражаться с застылостью, используя различные технические приемы великих мастеров, наполнявших свои картины движением. Что-то удавалось, не мне судить. Неподвижность — моя боль, с которой я борюсь на протяжении многих лет. И вот, часами наблюдая за природой, сменой сезонов, вдруг понял. Не успеваю. Не могу. Спешу, тороплюсь и не успеваю даже хоть ничтожно мало победить время. И возникает мысль: а что, если писать ручкой и кистью в тетради и на холсте? Днем пишу цвет и жизнь, а вечером пишу все: воспоминания о детстве, о папе и маме, о братьях и сестрах, о жизни с друзьями, о поездках по земле. О работе пишу мало, ее должен видеть зритель. Рассказывать о живописи — как рассказывать о музыке. Пишу о собачке и коте. Мне весело, когда я пишу, и радостно: что-то успею показать людям из своей жизни. Это не честолюбие, это долг перед людьми, окружающими меня. Если я в живописи не успеваю поделиться с ними радостью жизни в этом красивейшем мире, наедине с природой, то, может быть, торопливое перо сделает это.